

№9

Сентябрь 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**РАСПАД ИМПЕРИИ:
КАК ЭТО БЫЛО**

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№9
(12)
Сентябрь 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	РАСПАД ИМПЕРИИ: КАК ЭТО БЫЛО	4
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ	8
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ОНА БЫЛА УНИКАЛЬНА	12
ЮБИЛЕЙ	БЕСКОНЕЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	14
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ЗАРЯД ЛЮБВИ	20
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	ПРОДЛИТЬ «ДУХ ДРУЖЕСТВА»	22
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ	28
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	«НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ВСЕ ОТ БОГА!»	32
БАЛЕТОМАН	«НАША АННА ПАВЛОВА»	36
СТИЛЬ ЖИЗНИ	«ЧТО ЗНАЕШЬ В ДЕТСТВЕ ...»	40
О, СПОРТ!	ДЕВЯТЬ ДНЕЙ СКАЗКИ	46
НАГРАЖДЕНИЕ	ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА	50

РАСПАД ИМПЕРИИ: КАК ЭТО БЫЛО

Вряд ли школьный учитель русского языка и литературы из грузинской деревни Мамати Амвросий Шеварднадзе мог предположить, что его младший сын, который собирал чай уже в пятилетнем возрасте, обретет мировую славу дипломата и будет одним из главных лиц в переговорах между супердержавами СССР и США.

Недавно вышла книга экс-президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе «Мысли о прошлом и будущем», которая пользуется успехом не только на грузинском рынке. Идут переговоры с немецким издательством об издании этой книги в Германии. Отдельные главы печатают русские журналы.

Читателям «Русского клуба» предлагаем эксклюзивное интервью с Эдуардом Шеварднадзе, который любезно согласился на встречу с нашим корреспондентом, рассказав о распаде великой державы XX века.

- После августовского путча 1991 года Советский Союз фактически распался, хотя распад официально был оформлен в декабре. В своей книге «Мысли о прошлом и будущем» вы отмечаете, что Михаил Горбачев не хотел распада, но некоторые именно с его политикой связывают конец СССР. Каковы все-таки основные причина распада?

- Я могу подтвердить, что Горбачев действительно не хотел распада Советского Союза. Наоборот, он считал, что начавшийся процесс демократизации, «перестройки» приведет к дальнейшему укреплению СССР, как государству. Фактически так не получилось. Честно сказать, в начале «перестройки» я думал, что при реальной демократии будет очень трудно сохранить СССР. Прибалты уже требовали независимость. Вначале они были согласны на федеративное устройство, но тогда в Политбюро об этом

никто не хотел слышать. То же самое было и с некоторыми другими союзными республиками. Чем был вызван распад? Основной причиной стали отношения между Горбачевым и Ельциным. Ельцин был секретарем Московского городского комитета партии. Горбачев несколько раз выдвигал свои идеи, связанные с демократизацией, и т.д. На пленуме ЦК КПСС Горбачев выступил с хорошим докладом, но Ельцин, взяв слово, так раскритиковал выступление Горбачева, что камня на камне не оставил. В его речи были и оскорбления. Горбачев отреагировал на это через несколько дней: освободил Ельцина от занимаемой должности и назначил замминистром стройматериалов. Позднее, во время выборов, Ельцина избрали депутатом, а потом председателем Президиума Верховного Совета России. Высокая должность. А споры и противоречия между Горбачевым и Ельциным продолжались.

- Вы тогда выступили в защиту Горбачева...

- Да, он не настаивал на этом, но выступили почти все мои коллеги, в том числе и я, обосновав необходимость проведения демократизации и защищая путь, выбранный Горбачевым. Через некоторое время у Ельцина, президента Украины Кравчука и президента Белоруссии Шушкевича родилась идея создания т.н. «Славянского союза», который должен был быть составной частью СССР. Лидеры трех республик встречались в Белоруссии, так как встречи проходили нелегально. В это время Горбачев разработал новые условия развития СССР. Предусматривалось расширение прав союзных республик. Горбачев попросил Ельцина показать документ Кравчуку и Шушкевичу, и, если они согласятся, то должны были его подписать. Если были бы не согласны, то могли сделать свои замечания. Ельцин сказал, что считает возможным подписание до-

кумента, однако Кравчук и Шушкевич категорически отказались. Встреча проходила ночью, в доме охотника, как обычно в Минске. Разработали новый документ, который фундаментально отличался от документа Горбачева.

С этого дня противостояние еще больше накалилось. Этим воспользовался Кравчук и решил провести референдум на Украине. За независимость республики проголосовало 90 процентов и идея «Славянского союза», которую многие критиковали, провалилась. Мэр Москвы Попов говорил, что в России живут не только русские, но и нацменьшинства, которые составляют большинство России. Попов считал, что Россия не имеет права быть инициатором создания «Славянского союза» при СССР, так как является многонациональным государством.

И это в то время, когда «перестройка» идет полным ходом. Многие ее поддерживали, хотя были и противники. Позднее оппозиция переросла в вооруженное формирование, и об этом у меня была вся информация.

– Откуда она у вас была?

– Во-первых, от моих друзей в КГБ, да и из аппарата МИДа. Сейчас об этом уже можно говорить. В аппарате у меня работало пять тысяч человек и порядка двух тысяч из них были представителями органов. Хороших ребят, отличников вербовали еще в школе, потом зачисляли в Дипломатическую академию и из них выходили дипломаты-чекисты. Поэтому я владел большой информацией. В самом аппарате, среди этих чекистов, я пользовался большим авторитетом. Удалось перестроить всю работу МИДа, хотя и было трудно, так как моим предшественником в течение 30 лет был Громыко. Очень опытный, высокого класса профессионал, но в новых условиях я посчитал, что МИД должен соответствовать тем требованиям, которые ставит перед страной «перестройка». Кстати, Громыко стал председателем Президиума Верховного Совета. Второе лицо после Горбачева, но дел у него не было.

– В то время звучали, в основном, две фамилии – Горбачев и Шеварднадзе.

– Я бы так не сказал. Звучали, в основном, за пределами страны, так как во внешней политике я действительно много делал. Мир звал Горбачева Горби, а меня – Шеви. А однажды Ельцин сказал: «Этот Белый лис опять оказался прав!» И потом пошло...

– Обиделись?

– Нет, для дипломата это совсем неплохо. Так вот вернемся к тому, что у меня была информация, что вооруженные отряды собираются напасть на Белый дом, где сидел Ельцин. К тому времени отношения с Горбачевым у меня уже испортились. Я много работал, с моим участием, без преувеличения можно сказать, закончилась «холодная война», самая длинная мировая война. Она длилась 30 лет, правда, была «холодной». Я участвовал в объединении Германии, в выводе советских войск из Афганистана, освобождении Восточной Европы. На меня же очень часто нападали. На съезде человек 20-30 постоянно ругали меня, порой и последними словами. Ни разу Горбачев не ответил им, хотя все решения, принимаемые мной, были с ним согласованы. Помню, Галина Старовойтова, умнейшая женщина, которую убили, выступила, обратившись к Горбачеву: «Что происходит? Кто, кроме Шеварднадзе, работает по 18 часов, у кого такие результаты? Почему вы не хотите обратиться к тем людям, кто безосновательно ругает Шеварднадзе?» И добавила, что не хочет быть членом парламента, где ругают Шеварднадзе.

Горбачев продолжал молчать. Было очень обидно. Ведь все с ним согласовывал. Горбачев получил Нобелевскую премию мира за те решения, которые я принимал, кто с ним работал. Когда я понял, что дело идет к разворачиванию контрреволюционных процессов, решил пойти на такой шаг, который заставил бы призадуматься людей, что дела обстоят серьезно. Я принял решение об отставке. Об этом никто не знал, кроме моих двух помощников, замечательных людей. Один из них жив – Сергей Тарасенко, другой – тбилисский парень Теймураз Степанов. Они не удивились моему решению. На съезде народных депутатов СССР предусматривалось мое выступление. Взяв слово, я объявил, что это будет моим самым коротким выступлением в жизни. Все насторожились. Я произнес фразу: «Диктатура наступает... Через несколько дней они будут у стен Белого дома, а мы испугались... Пусть моя отставка будет моим протестом против наступления диктатуры». На второй день выступил Горбачев. Конечно, он критиковал меня и говорил, что нет и речи о диктатуре, «перестройка» идет своим чередом и т.д. Ругал, а потом пошел успокаивать грузинскую делегацию. После моих слов выступил академик Дмитрий Лихачев, крупнейший ученый, необыкновенный, замечательный человек. «Я достаточно близко знаю Эдуарда Амвросиевича. Он хороший министр и прошу его остаться», – сказал Лихачев. Я ответил, что не могу взять слово обратно.

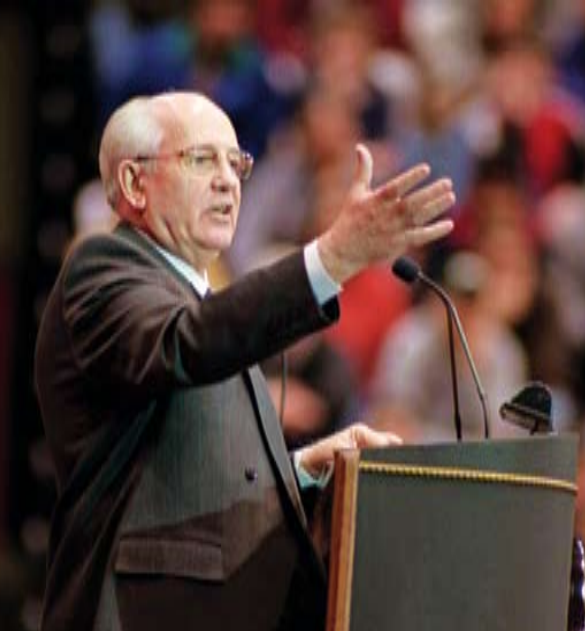
– А как складывались отношения с Ельциным?

– В то время у меня восстановились отношения с ним. Что касается Горбачева, то через два месяца после моего ухода с поста министра, он, выступая в Минске, сказал, что угроза диктатуры реальна, призвал сторонников «перестройки» быть бдительными и уехал отдыхать в Крым. Разве в такое время можно было оставлять Москву? Я сообщил Ельцину, что неподалеку от Белого дома собираются вооруженные люди. Во время нашей встречи я спросил его, что произойдет, если начнется наступление, ведь он не главнокомандующий? Ельцин протянул бумагу. Он в ней писал, что считает необходимым, чтобы президент России стал главнокомандующим военно-воздушными силами, дислоцированных на территории России. Ельцин спросил меня, должен ли он подписывать этот документ. Я посоветовал ему немедленно подписать, что он и сделал. Это уже была сила. Постепенно он стал собирать своих сторонников возле Белого дома. Вскоре одна группа в Политбюро предложила Горбачеву отказаться от «перестройки», но остаться президентом СССР, ему хватило мудрости отказаться. К тому времени началось наступление на Белый дом. Я решил, что должен быть там. Мы с супругой жили на Смоленской площади, в полукилометре от Белого дома. Нанули я сказал, что пошел перекусить с друзьями в ресторан. Когда я подошел к Белому дому, люди стали кричать: «Шеварднадзе! Шеварднадзе!» всю ночь я провел там. Мне хорошо запомнилась одна картина. Я обошел все этажи и на первом этаже увидел выдающегося музыканта Ростроповича с автоматом в руке. Я не стал будить его, сказал моим друзьям, чтобы они остались с ним.

Сторонники «перестройки» тогда победили. Ельцин заработал большой политический капитал. Началась эпоха Ельцина.

– Как состоялось ваше знакомство с Владимиром Путиным?

– Я хорошо помню нашу первую встречу. По приглашению моего друга Собчака я должен был выступить в

Ленинграде. У Собчака появились неотложные дела, и он сказал мне, что будет запись моего выступления, с которым позже ознакомится. «У меня хороший помощник, отличный парень, он организует все на высоком уровне. Все знают, что я ему доверяю», – сказал мне Собчак. Лекция прошла в Зимнем дворце. Народу было много. Все прошло отлично. В общем, мы не только познакомились, но и почти подружились. Когда Путина перевели в Москву, там все убедились, что он очень умный человек. Я могу сказать, что наши встречи были результативными, он всегда держал слово. А вот Ельцин меня один раз обманул. Может быть, его обманули и я несправедлив к нему. Ельцин сказал, что пора кончать войну в Абхазии и пригласил меня на встречу с северокавказскими лидерами и Ардзинбой. Я с радостью приехал. Все, кроме Ардзинбы, были согласны. Ельцин ответил его в сторону и через 15 минут сообщил, что Ардзинба тоже готов к миру. Грузия ликовала, война закончилась. Ребята, воевавшие в Гагра, оставили город. Это были добровольцы. Те, кто воевал против грузин, укрылись в лесу, взяли Гагра, Леселидзе и другие города. Я приведу один пример. Во время сочинской встречи Путин попросил восстановить железную дорогу от Сухуми до Ингури. Я сказал, что готов постепенно восстановить сообщение от Сочи до Тбилиси, а потом и до Еревана, но попросил, чтобы в Гальский район вернулось грузинское население. Путин сразу согласился обеспечить гарантии безопасности. Люди вернулись, дорогу начали строить... Сегодня в Гали проживает 70-75 тысяч грузин. До войны их было 80 тысяч.

– Ваш сын сравнил вас с Дон Кихотом, борющимся со злом, которого в конце карьеры предал Санчо Панса. Насколько часто в политике предадут?

– Факты предательства бывают. Обманы бывают, но большой разницы нет. Но я доволен своей судьбой, потому что участвовал в окончании «холодной войны», падении Берлинской стены, защите Польши, освобождении Восточной Европы, «перестройке», выводе советских войск из Афганистана... Около двадцати лет я был в Грузии первым секретарем ЦК компартии и сделал много полезного. Это были годы расцвета грузинской культуры. Тогда появились Робико Стура, Темура Чхеидзе... Вышло «Покаяние» Абуладзе. Тенгиз считает меня соавтором этой картины. В последние годы я устал. Самоубийством покончил жизнь Нугзар Саджая. Он по моему поручению курировал силовые структуры. Было опубликовано очень грязное письмо, в котором его обвиняли в нетрадиционной ориентации. Это была ложь, провокация. Он сказал, как ему жить, когда сын подрос и читает газеты. После поездки в Аджарию он приехал сломленный, там что-то произошло. После его смерти я стал беззащитным, так как даже во времена СССР не вмешивался в дела административных органов, но всегда был человек, следивший за всем. Так вот я потерял контроль над органами, этим воспользовались и устроили переворот.

– Ваша внучка Софо Шеварднадзе стала лицом «Рашэн Тудей». Как вы оцениваете ее журналистскую деятельность?

– Я видел ее несколько репортажей. В одно время она уехала в Париж, затем в Америку. Много ездила, изучала... Потом почему-то решила уехать в Москву. Из наших родственников там никого нет. Позже некоторые знакомые звонили мне и говорили, что она отличная девчонка. Зарплату ей повысили. Посмотрим, что получится.

– Ромен Роллан говорил, что нельзя победить навсегда, надо побеждать каждый день. А какие качества помогли вам оставаться на высоких постах несколько десятилетий?

– Трудно сказать. Наверное, целый комплекс качеств. Во-первых, самобытность, смелость, сочетающиеся с гибкостью, и простые человеческие отношения. Многие удивлялись, как я смог найти общий язык с Рейганом. На первой же встрече Рейган сказал мне: «Я знаю, что вы – представитель империи зла, но Шульц уговорил меня встретиться с вами». Потом мы встречались еще 10 раз и стали почти что друзьями. Почти со всеми бывшими коллегами я сохранил дружеские отношения, среди них Ширак, Клинтон. Геншер до конца остался моим другом. Самым близким другом был Шульц. С Яковлевым дружил до конца его жизни. К сожалению, не смог поехать на похороны. В свое время мы с Яковлевым основали партию «Демократические реформы», куда вступила вся интеллигенция. Он был замечательным человеком и другом.

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

C. H. ...
B60187

Wormer ...

...

МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Ю. Соломин

В августе нынешнего года исполнилось 250 лет с того времени, когда был подписан императорский указ о создании в России театра. Таким образом, мы будем торжественно праздновать юбилей одного из старейших в стране – Малого театра, по праву ставшего колыбелью многих и многих не только российских театров.

История Малого театра подробно и обстоятельно изложена в двух солидных томах, вышедших в 30-х и начале 70-х годов XX века. О Малом вообще написано множество исследований, книг, потому и не возникает ощущения, что мы чего-то очень важного о старейшем русском театре не ведаем. Но вот последние три десятилетия его жизни пока еще не обобщены – они рассыпаны по рецензиям и статьям, многочисленным интервью, а сегодня, с учетом 250-летнего юбилея, особенно важной представляется попытка осмыслить некие общие тенденции и направления, по которым шло движение.

Если мы попробуем оглянуться на наше еще недавнее прошлое, тогда мы неизбежно осознаем: за каких-то 30 лет мы пережили вместе со своей страной и всем миром несколько эпох – сложных, противоречивых. Эти три десятилетия обозначили совершенно иное отношение не только к экономическим, социальным, общественным отношениям и связям людей, но и к культуре, столь чуткой к переменам в обществе.

В одном из последних интервью Афанасий Иванович Кочетков, замечательный мастер, очень точно сформу-

лировал: Малый театр – это «мост из прошлого в будущее, русская культура и дух русской нации». Пожалуй, эти слова артиста, ушедшего год назад, становятся путеводной нитью в нашем исследовании.

В отличие от молодых своих собратьев, а особенно послеоттепельного ефремовского «Современника» и возникшего позже, но бунтующего против строя еще более яростно любимовского Театра на Таганке, Малый театр никогда не увлекался той эстетикой, которая грубовато, но точно определялась как «кукиш в кармане». И не просто не увлекался – подобная эстетика была ему противопоказана не только по статусу, но и по всей сложившейся истории, традициям. Однако порой она возникала в спектаклях Малого как бы сама по себе, произвольно и ненавязчиво – уж слишком живыми и современными оказывались тексты старых пьес. Об этом необходимо было постоянно помнить: о едкой и взрывной силе слов А. Островского, Салтыкова-Щедрина, Сухова-Кобылина, Л. Толстого, Тургенева, потому что недреманное око высоких партийных чиновников не закрывалось никогда. И Малый театр предпочитал помнить об этом сам и соблюдать те «предлагаемые обстоятельства», которые выдвигало время.

Наверное, именно в силу этого «строгого соблюдения» в умной, глубокой книге Анатолия Смелянского,

так и названной – «Предлагаемые обстоятельства. Из жизни русского театра второй половины XX века», нет ни малейшего упоминания о Малом театре. На взгляд критика, по всей вероятности, Малый театр в этот период в жизни общества отсутствовал.

А это совсем не так.

Хотя, если пролистать страницы номеров журнала «Театр», издания не только высокопрофессионального, но и (насколько это было возможно) прогрессивного по своему направлению, – мы и там практически не найдем материалов о Малом театре.

Скорее всего, корни этих умолчаний следует искать в том, что вплоть до сегодняшнего дня «оппозиционность» Малого театра признается лишь в одном: в предубеждении против концептуальной режиссуры, а 70-е годы были именно тем временем, когда концептуальная режиссура заявляла о себе наиболее громко и отчетливо, нередко жертвуя личностью артиста. Поэтому для исследователей и многих театральных деятелей Малый театр со своим пристальным, настойчивым вниманием к человеческой природе, со своим мастерс-

В. Белов, И. Друцэ, Ю. Бондарев, М. Алексеев, Д. Гранин, А. Дударев, А. Кудрявцев, В. Астафьев...

С большим или меньшим успехом эта современная драматургия приживалась на сцене Малого, но, к счастью, никогда не определяла того, что принято было называть «магистральным путем».

Тем более значительным событием становились каждые обращения Малого к классике.

Порой несколько сезонов подряд проходили без постановок классики, играли из нее то, что давно уже устоялось в репертуаре, но по-прежнему вызывало большой интерес зрительской аудитории (например, «Власть тьмы»), а премьеры старались выстраивать в соответствии с требованием времени. Пусть «подлого», но – ничего не подделаешь! – того, что

твом перевоплощения и ювелирной огранкой характеров оставался на обочине внимания даже в тех случаях, когда на его сценах появлялись примеры пусть редкой, но в достаточной степени концептуальной режиссуры особого рода. Не жертвующей артистом во имя утверждения собственного взгляда на события и характеры, а эти события и характеры по-особому подчеркивающей.

А они появлялись.

«Подлые времена» классику если открыто с подмостков и не вытесняли, то требовали непременно «соответствовать потребностям» эпохи, в которую невозможно было не славить генеральную линию КПСС и ее верных сынов, преданных своему делу. Малый театр, на классику строго ориентированный, начал все чаще и чаще прибегать в 70-80-х годах «к отступлениям»: в репертуаре появлялись многочисленные названия современных советских пьес, которые сложно сопоставить с классикой и по художественной ценности и даже по именам авторов, среди которых были К. Симонов, А. Арбузов, М. Ибрагимбеков, В. Шукшин, А. Софронов,

выпало на долю... Но порой спектакли по классике все же появлялись в афише: инсценировались «Господа Головлевы» и «Униженные и оскорбленные», в новой редакции возродилась на сцене комедия «Горе от ума», были поставлены «Заговор Фиеско в Генуе», «Плутни Скапена», «Ревнивая к самой себе», «Король Лир»... В 1979-80-м как будто спохватились, что забыли о своем «отце», Александре Николаевиче Островском, и в течение короткого времени на сцене Малого появились спектакли «Красавец мужчина», «Женитьба Бальзаминова», в 1981-м – «Без вины виноватые». Следующий, 1982 год, был встречен в театре «Вишневым садом» в постановке И.В. Ильинского и «Ревизором» (режиссеры Е. Весник и Ю. Соломин).

С начала 80-х годов возникло в репертуаре некое равновесие; уже нельзя было сказать, что Малый театр бросился со всех ног осваивать современность, забыв о своем славном прошлом, связанном почти исключительно с русской и мировой классикой.

Современные пьесы начали проходить своеобразный «отбор»: появились в репертуаре те, в которых очевидна попытка осмысления истории страны, стремление сказать серьезное слово о серьезных проблемах. Может быть, попытки эти не всегда были углубленными, не совсем выверенными, многое в них оставалось лишь намеченным, о многом просто нельзя было сказать открыто, но так или иначе свое дело они делали: появлялись спектакли,

пронизанные пафосом вины за то, как сложилась последующая жизнь поколений и страны. Такие разные спектакли 70-х, 80-х, начала 90-х, как «Картина» по Д. Гранину, «Летние прогулки» А. Салынского, «Заговор Фиеско в Генуе» Ф. Шиллера (спектакли поставлены Л. Хейфецем), «...И аз воздам» С. Кузнецова (постановка Б. Морозова), «Царь Петр и Алексей» по «Детоубийце» Ф. Горенштейна (режиссер В. Бейлис), «Возвращение на круги своя» И. Друцэ и «Царь Федор Иоаннович» А. К.Толстого (оба – в постановке Б. Равенских) – в момент своего появления вызывали в театральном мире Москвы реакцию горячую, бурную, хотя и далеко не всегда однозначную.

Малый театр хотел жить жизнью наполненной, современной, хотел, чтобы с его подмостков, как с подмостков других театров, во всеуслышание заявляли о себе проблемы острые, требующие прямого участия, активного включения в реальность.

Всегда ли это получалось? – к сожалению, нет. Чаще не удавалось создать по довольно среднему произведению спектакль, который преодолевал бы планку рядового репертуарного спектакля в рядовом театре. А если удавалось, то едва ли не в первую очередь потому, что слабый литературный материал становился порой для мастеров Малого театра возможностью открыться новой гранью, обозначить новую и очень интересную краску в характере, преодолеть привычный стереотип.

Почему-то именно Малый театр, официальный и официозный, всегда подлаживающийся под запросы власти, как мы привыкли считать, приглашал к себе режиссеров, которые в разное время находились в опале. Сюда пришла преподавать в Щепкинское училище изгнанная из Художественного театра Мария Осиповна Кнебель. Здесь ставили в разные времена спектакли Л. Варпаховский, Б. Львов-Анохин, А. Эфрос (к сожалению, оба спектакля, над которыми Анатолий Васильевич работал, были закрыты), П. Фоменко, Л. Хейфец. В самое трудное для себя время эти режиссеры ощутили поддержку старейшего русского театра, не побоявшегося протянуть им руку помощи, и, как правило, результаты оказывались впечатляющими – годы работы на сцене Малого этих замечательных мастеров не прошли даром ни для этих режиссеров, ни для труппы театра.

Ю.М. Соломин. — Были бы средства, режиссеры и актеры. С тех пор, за 10 лет, мы очистили репертуар. Похоже, начался какой-то новый этап в жизни Малого. Не хочу утверждать, что с этого момента мы делаем все только по-новому. Ничего подобного. В театре всегда шло какое-то обновление. Просто на моих коллег и меня выпало время, когда можно было сделать это».

Но пока эта линия осторожно начала выстраиваться, произошло в какой-то степени давно предсказанное событие — зрители начали терять интерес к театру.

Не к Малому — к театру вообще.

На поиски собственного пути ушло почти десятилетие — с конца 70-х до конца 80-х годов.

Треть рассматриваемого нами тридцатилетия.

Много это или мало?

В 1989 году руководство театра наконец сформулировало решение, которое на самом деле давно уже подготавливалось как в теории, так и в практике. Из дня сегодняшнего оно видится поистине судьбоносным (с какой иронией ни относиться к этому слову): «Мы решили, что на этой сцене будем ставить только классические вещи. Для этого у нас обширный портфель — русская и западная классика. Пожалуйста, выбирай любое, — сказал в интервью 1998 года

В каком-то смысле это был вызов.

Вызов и системе, и общественности, и современности в ее самом общем, поверхностном понимании, в котором она тогда по большому счету и воспринималась. А еще — экзамен на верность и традициям театра, и зрительской любви и вере. Потому что это было возвращение к исконным традициям.

НАТАЛЬЯ СТАРОСЕЛЬСКАЯ

(Окончание следует)

Материал проиллюстрирован сценами из спектаклей Малого театра

ОНА БЫЛА УНИКАЛЬНА

Будучи студентом третьего курса Театрального института, я не подозревал, что этот день изменит мою жизнь радикально. В аудитории, где я репетировал свой курсовой спектакль «Аукцион», влетела красивая женщина и категоричным тоном потребовала показать ей спектакль, где играла ее студентка. На мой протест она отреагировала так: «У меня мало времени, должна для Гурама борщ сварить, так что давайте показывайте и не выпендривайтесь». Я знал, что эта красивая женщина – жена Гурама Сагарадзе, прекрасного актера театра имени Руставели. Она преподавала у нас в институте на факультете музыкальной комедии и я сразу понял, что лучше ей не перечить и начал прогон спектакля. Она реагировала бурно, смеялась громко, переживала с персонажами, она была благожелательна, а после показа расцеловала нас всех и спросила: «А во что будет одет Апакидзе?» Я ответил, что хочу смокинг, но не могу достать. Все обещают, но пока никто не дает.

«Я сейчас», – сказала она и также вылетела из аудитории как и влетела. Мы даже не успели посплетничать по поводу ее стремительного появления, как она снова появилась через несколько минут с тремя смокингами.

Она была генератором энергии. Более энергичной женщины я не встречал с тех пор. Помогала многим: близким и неблизким, помогать всем на свете было кредо ее жизни. Она и только она привела через несколько дней на мой спектакль Роберта Стуруа, и с того момента началась моя жизнь в театре Руставели.

Сейчас, когда нет с нами Татьяны Бухбиндер, воспоминания о ней все время преследуют меня... Она создала в маленьком городке Гори оперную студию и открыла этот театр прекрасным спектаклем на музыку Глюка, наивно доказывая себе и всему миру, что этот городок талантлив не только тем, что там рождаются тираны, но и тем, что там могут торжествовать прекрасные музы. Мы, ее пьяные поклонники, под окнами гостиницы «Интурист», устроили такую бурную овацию, что Тане пришлось всю ночь умолять горийских милиционеров отпустить нас из отделения, куда мы были приведены...

Она была социально активным человеком и поэтому очень любила Брехта, может, и потому, что ощущала кровную связь с немецким драматургом. На премьере «Трехгрошовой оперы» с ней случился нервный припадок, она начала со слезами хохотать и ее долго не могли остановить, когда успокоилась, спросила: «И вот эту чепуху я мечтала ставить всю жизнь?» Хотя по мне, это был довольно хороший спектакль.

Она любила собак и они ее любили. Стоило ей приехать в Кобулету, все дворняжки этого приморского города начинали тянуться к ней. Это было удивительно, собаки как-то чутьем чувствовали, что эта маленькая женщина их обласкает. Они становились ручными при ее появлении. Я был

Т. Бухбиндер

свидетелем, как огромная, разъяренная кавказская овчарка при виде Тани прекратила лаять и превратилась в подобие ягненка.

Она любила принимать гостей. Почти каждый день у нее собирались гости. Зная эту ее страсть, Сергей Параджанов как-то попросил ее помочь в организации приема Театра на Таганке. Параджанов был хозяином, Таня – хозяйкой. Они встречали гостей во дворе, одетые в странные параджановские костюмы с гранатами, и прямо из умывальника наливали водку.

Мы тогда сами часто выезжали на гастроли. Это был период возрождения театра Руставели. Гордились тем, что у нас такой театр и что мы причастны к его успехам. Таня не просто любила, она боготворила этот театр, Роберта Стуруа и готова была выцарапать глаза всем, кому не нравились спектакли Стуруа. Она, как и Наташа Чхиквадзе, везде сопровождала не просто мужа, но и театр. Мы, незанятые в спектаклях, к концу их врывались в зал и устраивали такие овации, что нам могли бы позавидовать квалеры итальянской оперы. По нынешней терминологии у нас был «фан-клуб» театра Руставели, и президентом была Таня. Она во весь голос по-хулигански кричала «Браво»

Фото Ю. Мещинова

Со студентами

дентов, одевала их, кормила, кто-то из них в обязательном порядке жил у нее дома. Гурам ворчал по этому поводу, но только ворчал, так как понимал, что иначе она не может жить...

Сказать, что она любила Гурама, значит ничего не сказать об их отношениях, она жила им, его жизнью, его ролями... а она была для него богиней, музой, помните, как он потрясающе читал стих «...ძვევარზან, ძვევარზან, ძვევარზან

Т. Бухбиндер и Г. Сагарадзе

ისე ძღვიერ» (« люблю, люблю, люблю тебя так сильно...»). Так вот, он всякий раз, на любой сцене, на любом застолье, ей и только ей читал эти стихи...

Татьяна Бухбиндер – еврейка, гордившаяся, что она еврейка!

Татьяна Бухбиндер, гордившаяся, что она жена грузинского актера!

Татьяна Бухбиндер, гордившаяся, что она гражданка Грузии!

Она очень хорошо знала историю, культуру нашей страны. Замечательно подхватывала голос и пела вместе с профессиональными певца-

и заставляла других делать то же самое. Ради объективности стоит отметить, что она замолкала при появлении мужа и повышала голос при виде Чхиквадзе и Стуруа.

Она как режиссер не создала этапного спектакля, да и не нужно было ей создавать. Она была уникальна. Ее миссия была в другом: она радовалась победам других и помогала им. Она могла часами сидеть на репетициях Стуруа и потом долго с ним шушукаться. Она помогала Гизо Жордания, Сандрику Мревлишвили...

Помогать, поддерживать – этим божественным даром она обладала сполна. Она ночами могла сидеть и шить костюм для какого-то персонажа к моему спектаклю, хотя не имела никакого формального отношения к спектаклю. Помню, когда один известный композитор отказался писать музыку к моему спектаклю, она принесла мне пластинку и сказала: «Я нашла тебе композитора, который не будет из себя строить гения. Музыка он пишет лучше, чем этот твой... да еще и деньги не возьмет с тебя». «Кто это?» - спросил я. «Густав Малер», - ответила она гордо.

Она обожала молодежь, обожала своих студентов, она не была простым педагогом, этого было ей мало. Не имея своих детей, она материнскую энергию направляла на сту-

ми сложнейшие грузинские многоголосые песни, она могла наизусть прочесть из Руставели и Галактиона, она могла гостям часами с гордостью рассказывать историю Грузии...

За два часа до смерти она позвонила мне, по телевизору показывали жуткие кадры – где-то нашли четверых зверски убитых молодых парней, она возмущенно говорила о политике, о том, куда катится ее страна, я пытался успокоить, а она ни в какую. Она была в гневе, в истерике: «Что случилось, объясни, что случилось с этим прекрасным народом, на что они стали похожи?» Она, еврейка, переживала за Грузию, за грузин, она любила эту страну сильнее многих национал - шовинистов... Спустя два часа после нашего телефонного разговора она скончалась...

Она сыграла очень важную роль в моей жизни. Но она сыграла, может, эпизодическую, но очень важную роль и в жизни этой страны, да-да этой страны. И это не преувеличение, если мы гордимся толерантностью, многокультурностью этой страны, должны помнить, что именно такие люди как Татьяна Михайловна Бухбиндер, создают славу Грузии.

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

БЕСКОНЕЧНЫЙ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Любимый зрителем актер Тбилисского русского драматического театра имени А. Грибоедова, заслуженный артист Грузии Джемал Сихарулидзе отмечает свой 65-летний юбилей. Он необычен во всем - в независимости характера, в неумении мимикрировать и приспособливаться к обстоятельствам, в жесткости оценок и, конечно, в ярком творческом почерке, отличающемся четким и выразительным графическим рисунком...

- Иногда мне кажется: все, что я делаю, никому не нужно. Это касается и творчества, и обыденной жизни. Конечно, добро нужно творить совершенно бескорыстно и, наверное, оно зачтется ТАМ. Поэтому в душе я надеюсь только на самое хорошее... Но все-таки уверен, что сегодня никому не нужно то, чем я занимаюсь... Не вижу перспективы в дне завтрашнем - учитывая ситуацию, в которой мы все варимся...

С этого пессимистического признания началось наше общение с актером.

- Наверняка вас не раз спрашивали: почему вы не выходите на поклон к зрителям после спектакля? Это проявление своего рода гордости?

- Я так часто сталкивался и сталкиваюсь на каждом

Дж. Сихарулидзе

спектакле, с такой оценкой своего творчества со стороны коллег, партнеров, которые заняты или не заняты в данном спектакле, что пропадает желание выходить на поклон. Недавно выпустили «Избранника судьбы» Бернарда Шоу... За свою жизнь я сыграл в театре более 120 ролей, среди них – Скалозуба из «Горя от ума». Так вот, неожиданно мой поручик из пьесы Шоу напомнил мне Скалозуба. Он такой же туповатый, солдафонистый. Режиссер предложил мне несколько иную концепцию. Но я сделал роль так, как сам ее чувствую и понимаю... Так вот, сижу однажды с коллегами в ожидании репетиции и слышу критические комментарии. Зачем? Это же неколлегиально! Пусть решает зритель, талантливо это или бездарно. Да и мнение зрителя, надо ска-

жем. В театре главное – внутреннее перевоплощение.

- *Один известный актер, сыгравший огромное количество ролей, сказал, что настоящему доволен лишь несколькими. А как вы?*

- Может быть, так оно и есть. Иные роли оставляют след в душе. Ты сопереживаешь ге-

Дж. Сихарулидзе в кино и жизни

зять, вовсе не критерий. Зрителю может понравиться в какой-то роли и довольно средний актер. Поэтому я не верю ни в хлопанье в ладоши, ни в закулисные поздравления коллег... Я никогда в жизни не получал цветов. Потому что пока остальные по пятьдесят раз выходят на поклон, я уже сижу в транспорте и еду домой. По этому поводу у меня были серьезные разногласия с Сандро Товстоноговым. Помню, во время гастролей я не вышел на поклон после спектакля, в котором играл центральную роль. Сандро ворвался ко мне в гримерку. «Да вы что?! – возмутился он. – Там же вас ждут!» - «Кто ждет?» - «Да зрители хлопают!» - «Так не мне же хлопают, не кричат же: «Браво, Джемал!» И Сандро смирился...

- *Какие у вас еще принципы в творчестве?*

- Делать свое дело добросовестно, честно, красиво и сеять добро. И вне сцены, и на сцене.

Еще один принцип – ненавижу обильный грим. Если только нет необходимости в сходстве с персона-

рою, живешь с ним одной жизнью... Бывает, после спектакля возвращаешься домой и перед твоим мысленным взором кинолентой пробегает весь спектакль. И ты думаешь о том, где, что

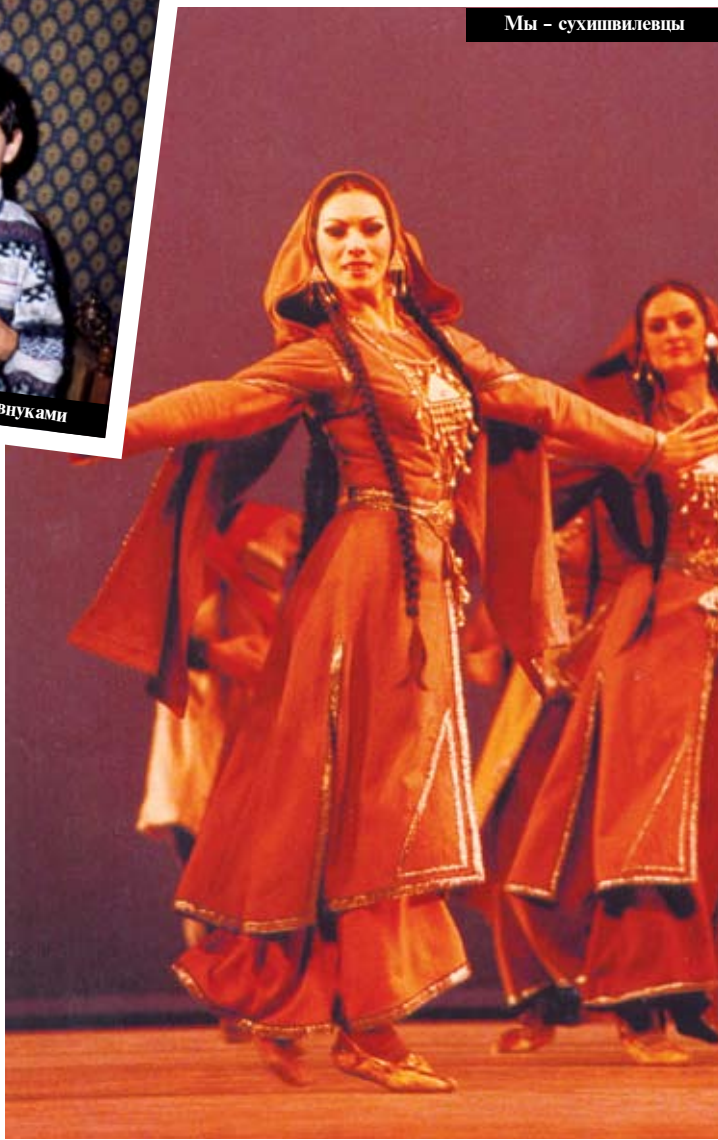

Гулико

Гулико с внуками

Мы - сушивилевцы

и как сделал, и почему не сделал это иначе... Может, ты что-то сегодня не доиграл, но есть надежда, что в следующий раз ты это сделаешь. В отличие от кино, где ничего уже не исправишь, театр - это бесконечный эксперимент, который то ли удастся, то ли нет...

- В каких же случаях эксперимент, по-вашему, удался?

- В спектакле «Распутин», в котором я сыграл главную роль... Может быть, в постановке «Тереза Ракен» - имею в виду Лорана. Правда, я ощущал в этой роли свой возраст. Конечно, я стар для своей партнерши, и из-за этого испытывал некоторое неудобство... А сейчас я полностью захвачен ролью Понтия Пилата в новой постановке Авто Варсимашвили «Мастер и Маргарита».

- Чем вам интересен ваш герой?

- Да он такой же, как я! Не во всем, конечно... Пилат, к примеру, хитер, чего во мне никогда не было.

- Вам близка философия Пилата?

- Близка. Хотя в каких-то действиях и поступках я с ним могу и не согласиться... Но Пилат - интереснейшая личность. Этот образ заставляет задуматься над тем, что тебя ожидает завтра и как надо жить сегодня. По своей сути Пилат - один из центральных персонажей Булгакова.

- Как вы пришли в профессию?

- Наверное, сыграли свою роль гены. Отец, историк по профессии, был одно время заместителем министра госконтроля Украины... Но мама была актрисой, певицей с уникальным голосом. Большим певцом был и мой дед, друг Федора Шаляпина. Вместе они работали в Мариинке. Дед пел до конца жизни, и голос его звучал потрясающе... В 1960 году в Тбилиском театральном институте открыли киноактерский факультет, и родственники, друзья отца посоветовали мне попробовать силы в актерской профессии. Ну, я попробовал и сразу поступил... Но если бы пришлось все начать сначала, то я бы опять поступил в театральный.

- Несмотря на отсутствие, как вы говорите, перспективы?

- Если я разочарован, то только в плане «кому как в жизни подфартит». Часто вспоминаю четверостишие: «Не упражнясь словесами, жизнь нам сумела доказать: талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Кто-то своей наглостью, кто-

С.М.Ульяновым

- *Вспомните ваше наиболее сильное театральное впечатление.*

- Евгений Лебедев в «Истории лошади». Он буквально потряс!

- *Как у вас складываются отношения с кино?*

- Сейчас снялся у Ники Квицинадзе в сериале «Сталин. Life», проекте телекомпании НТВ. Я играю интересную роль ротмистра Минина... В процессе съемок, избивая по сценарию будущего вождя, случайно ударился рукой о ружье. Началось кровотечение... И многие решили, что это так удачно сделан грим... По-моему, роль у меня получилась. Во всяком случае, все отметили, что я создал образ настоя-

то невероятным трудом, кто-то полезными знакомствами... чего-то добивается в жизни. Я никогда ничего не просил... ни ролей, ни званий. У меня всегда было много предложений – из театров Москвы, Ростова, Киева. Но я не принял их. Неизвестно, как сложилась бы моя судьба. Наверное, в кино у меня там было бы больше работы, да и в театре тоже. На решение не уезжать повлияли как семейные обстоятельства, так и любовь к Грузии...

- *Кто вам дал больше всего в актерской профессии?*

- То, что мне дал Додо Алексидзе в профессиональном плане, хватило на полгода – год. Спасибо ему, но все остальное приобреталось в общении, в партнерстве с другими актерами... Твое мастерство растет всю жизнь. Кто-то сказал, что чем больше штампов, тем лучше актер. Когда я смотрю фильмы с участием гениальных американских кинозвезд, то чувствую себя мальчишкой. Мне стыдно за себя, что я актер. Потому что я никогда не стану таким, как они. Можно учиться на их мастерстве и никогда ничему не научиться... Хотя это – кинематограф! И далеко не всякий яркий киноактер может хорошо сыграть в театре.

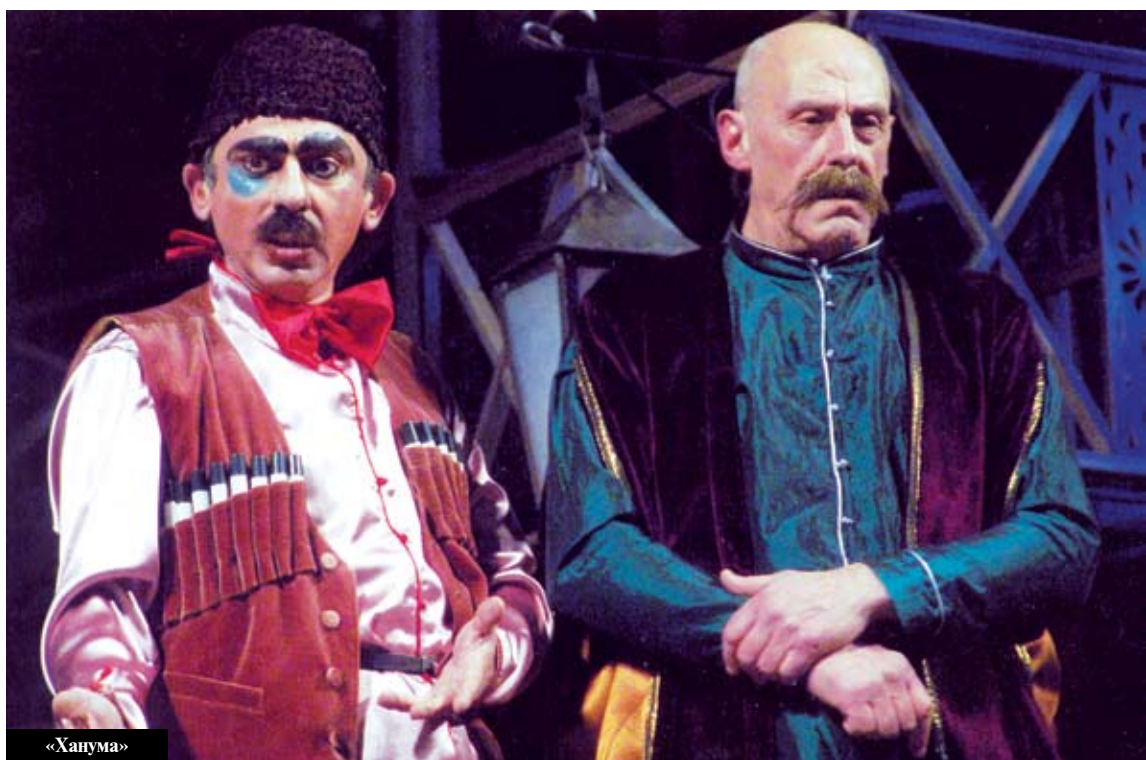
«Принцесса и свинопас»

щего Минина. Москвичи говорили, что есть разница в актерской игре здесь, в Грузии, и там, у них. На российском ТВ актер переходит от роли к роли, из сериала в сериал, и у него развивается автоматизм – нет ни мысли, ни чувства, ни выразительности глаз... Я снимался с двух дублей, практически без репетиций, и московские телевизионщики отметили мой профессионализм.

В общей сложности я сыграл в кино двадцать пять ролей. Первую – в 1964 году у Эльдара Рязанова в фильме «Дайте жалобную книгу».

- *Говорят, он бывает нетерпим на сценической площадке, может и матом послать.*

- Тогда в кино вообще по-другому играли. Царила серая обыденность, приблизительность... Для меня эталоном мастерства в кино остается Николай Черкасов. Вот это был актер и XX, и XXI века. Что касается режиссерского мата... Это иногда очень даже нужно. На съемках административный кулак Рязанова чувствовался, но мата по отношению к актерам не помню. Зато помню наш разговор о Сталине. Тогда всюю осуждали «культ личности».

«Ханума»

А Рязанов, как это ни странно, защищал Сталина. Поинтересовался моим мнением. Я сказал: «Пройдет лет десять-двадцать, и фотографии Сталина будут вновь носить, вешать в квартирах... и фильмы о нем снимать». Так и случилось... Кстати, Рязанов собирался снять фильм «Сирано де Бержерак». Меня пробовали на роль Кристиана, Евгения Евтушенко – на роль Сирано. Увы, фильм так и не был снят... Тогда Евтушенко подарил мне свое стихотворение «Благодарность» с дарственной надписью.

- *Мы заговорили о диктатуре в режиссуре. Вы это принимаете?*

- Я могу ответить словами Калигулы: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

- *А вы с режиссерами никогда не конфликтовали, отстаивая свою свободу?*

- В театре случалось. Вплоть до отказа от роли. Даже на недавних репетициях «Избранника судьбы».

- *Интересную роль вы сыграли в фильме Сергея Бодрова-старшего «Кавказский пленник». Как вам работало?*

- Прекрасно. На первой съемке Бодров остановил меня и сказал, как обычно, заикаясь: «Д-д-джемал! Это н-н-немного по-театральному. А в кино нужно по-другому!» Я ответил: «Пожалуйста, нет проблем!» И сразу ему выдал то, что требовалось... В кино играют в основном глаза. Нельзя размахивать руками, крутить головой. Актер должен сдерживать свою театральность... Кстати, эта моя работа понравилась Евгению Евтушенко.

- *Можно несколько провокационный вопрос? У вас прочная репутация ловеласа. Она соответствует действительности?*

- Ничего не могу с собой поделаться – обожаю красивых женщин! Это дано Богом. Кстати, моя жена всегда была одной из красивейших женщин в Грузии.

- *Когда она выходила за вас замуж, не боялась вашей репутации сердцееда?*

- Она знала, что в любом случае я вернусь домой.

- *Как вы познакомились?*

- Совершенно случайно... Это было в конце 1968 года. Я только что вернулся из Киева... Молодой, интересный, культурист. Гулял налево-направо. И вот мама решила меня женить... Меня познакомили с юной танцовщицей из ансамбля Иликос Сухишвили и Нино Рамишвили, выпускницей хореографического училища. Гулико тогда еще ходила в школу... Она произвела на меня сильное впечатление – высокая, стройная, красивая. Я тоже ей приглянулся... Вскоре мы поженились и вместе уже тридцать восемь лет.

- *За эти годы были в ваших отношениях сложные периоды?*

- Были, конечно, ссоры... По пустякам.

- *А рутина не заедала?*

- Нет, к тому же мы мало бывали вместе. Гулико бесконечно разъезжала с гастролями по разным странам. Очень редко в течение месяца она оставалась дома. Случалось, сегодня утром встретил, а вечером проводил...

- *Кто в вашей семье главный?*

- У меня дома демократия, хоть и патриархат. Я практик, к тому же старше жены на десять лет. И еще – ясновидящий. Могу выйти в некое пространство и предсказать, что будет завтра. Когда-то был экстрасенсом, лечил людей. Могу общаться с человеком, которого давно нет на свете. Не раз разговаривал с Богом, который предупреждал меня: «Это добро тебя погубит!» Но я люблю делать добро, угощать, дарить. Помню, перед гастролями в Днепрпетровск – я по семейным обстоятельствам оставался в Тбилиси – поехал на базар, купил огромную охапку гвоздик и в аэропорту

каждой женщине нашего театра подарил по цветку... Оскорбить или унижить женщину для меня просто невозможно. Для меня женщина – это прежде всего мать. Ее нужно беречь, любить, лелеять...

- Вы ревнивый человек?

- Очень. Я ведь очень эмоциональный гуриец. Могу потерять контроль над собой. Если моя жена на кого-то не так посмотрит – не говорю о физической измене – все! Мы уже никогда не будем вместе.

- А что еще может вас вывести из равновесия?

- Когда мои советы, распоряжения, которые я считаю разумными, не выполняются... Не терплю лжи. Всю жизнь говорил правду, за что пострадал не раз. Ненавижу нравственную нечистоплотность... Добро сегодня воспринимается с недоверием. Вот пример. Еду на машине. Половина одиннадцатого ночи. Ветер, дождь. Вижу, стоит пожилая женщина. Останавливаю, предлагаю подвезти. Уже выходя, она протягивает мне один лари. Естественно, отказываюсь: «Я не таксист, я актер! Просто хотел сделать вам добро!» Она чуть ли не с кулаками на меня набросилась, сочла себя оскорбленной, решила, что я хочу больше... Да, люди

- Конечно, тяжело дома сидеть. По состоянию здоровья я просто вынуждена была уйти со сцены. Но активно занимаюсь хозяйством, внуками Георгием и Сабой. А еще работаю с детьми, преподаю в танцевальной студии.

- Многие женщины говорят, что для них главное – семья, а потом уж работа. А как для вас?

- Когда танцевала, все было по-другому. Начнем с того, что я была здорова. Танцевала с шести лет. Закончила хореографическое училище... Для классического балета я слишком высокая. Но мне повезло: меня, 16-летнюю, увидел Илико Сухишвили и пригласил в свой ансамбль... А уже через две недели я поехала на четырехмесячные гастроли в страны Латинской Америки. После первого концерта расплакалась: не все сложилось, как надо. Зато позднее стала и солисткой, и ведущей танцовщицей ансамбля, получила разные награды – одной из первых удостоена Ордена Чести. В общем, побывала в 75 странах...

- Как гастрольный график совмещался с семейной жизнью? Вы же вышли замуж в восемнадцать?

- Джемал – актер и всегда относился с пониманием к этим обстоятельствам. Он мне во всем помогал – и в хозяйстве, и в воспитании ребенка. Сын родился в 1972 году.

- Помните первую встречу с Джемалом?

- Познакомились на концерте. Но я тогда не слишком торопилась замуж. Хотела танцевать. Джемал часто звонил мне, и его голос меня буквально заворожил. Он такой красивый!

- А конкуренты были?

- Много. Но я выбрала его...

- Что вам нравится из театральных работ Джемала?

- Он настоящий профессионал. Очень нравятся его Распутин, Лоран из «Терезы Ракен».

В дни юбилея театра

очень изменились в последнее время. Не хотелось бы верить в то, что по большому счету они такими и были... Просто сейчас все это всплыло...

В этот момент к беседе присоединилась супруга Джемала, Гулико.

- Гулико, расскажите, пожалуйста, о ваших семейных традициях.

- Любим принимать гостей... Справляем у нас и свои, и чужие дни рождения. Делаем из ничего нечто.

- Вы долго жили активной творческой жизнью, танцевали, гастролеровали, а теперь вынуждены ограничиваться в основном домашними хлопотами. Это тяжело, наверное?

- Как сохранить в браке свежесть чувств?

- Надо просто любить и уважать друг друга.

- Гулико, а вы его не ревнуете?

- Я уверена, что он никогда не причинит мне боль. Уверена в его чувствах...

- Немного о сыне. Он не пошел по стопам родителей?

- Нет, он майор безопасности.

Завершился вечер чтением лирических стихов. Причем собственных – некогда Джемал Сихарулидзе их сочинял... И в этом тоже оказался человеком одаренным и творческим.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЗАРЯД ЛЮБВИ

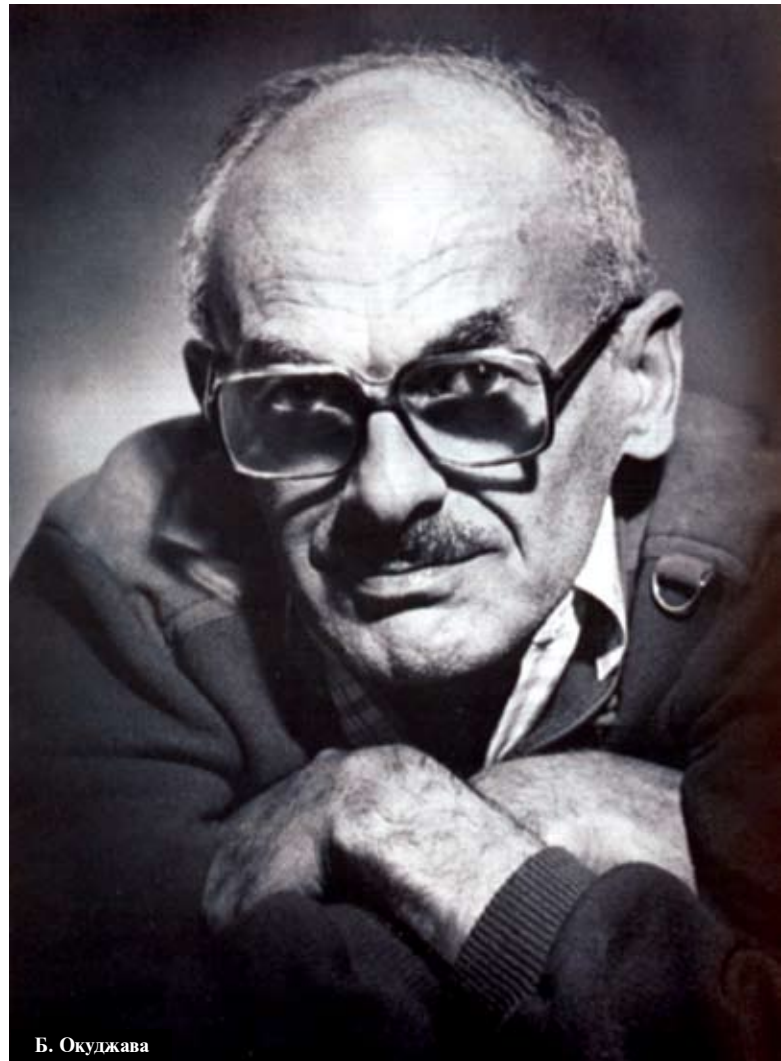
Не так давно в Доме писателей состоялся вечер, посвященный Булату Окуджава. Этот вечер устроила Анна Налбандян, талантливая женщина и прекрасный человек.

Я не буду сейчас подробно писать о вечере, хотя он заслуживает внимания. Мне просто хочется поговорить о Булате. Глубоко заблуждаются люди, говорящие о том, что не может быть дружбы между мужчиной и женщиной. У меня было трое близких друзей - никакой романтики, ухаживаний, просто настоящая дружба. Назову этих людей: талантливый журналист Феликс Зинько, методист Сергей Александров и Булат Окуджава. Он был учеником моей мамы Анны Аветовны Малхаз-Тарумовой. В годы Великой Отечественной войны мама организовала силами своих учеников агитбригаду. Я была тогда студенткой первого курса, но тоже участвовала в работе этой бригады. Мы обслуживали госпитали, воинские части, различные предприятия. Наряду с литературно-музыкальной композицией, в программу были включены и небольшие пьески на актуальные для того времени темы... Нас всегда ждали с нетерпением, мы получали массу благодарностей... Булат, по натуре несколько замкнутый, во время выступлений совершенно преображался. Вспоминаю один шуточный номер. Булата, загримированного стариком, с седой бородой в каком-то зипуне, окружали девушки и пели: «Дядя Влас, а дядя Влас, слышал, немец прет на нас, с гадинами истыми, с подлыми фашистами». А «Влас» отвечал им: «Девки, немец прет на нас далеко не в первый раз, в прошлом не порыться ли, например, псы-рыцари. Мы тогда немецким псам дали крепко по усам, а спросить им не с кого, не с Александра Невского...» Там было еще продолжение, но сейчас до конца я не помню. Репетиции обычно проводились у нас дома. Как-то, когда все разошлись, я обнаружила забытую кем-то тетрадку. Она не была надписана, и я начала читать, чтобы узнать, кому ее вернуть. Юноша писал о том, что ему очень нравится одна девочка. Имена не назывались. Только, когда я прочла, что в пьеске он играет доктора, а она медсестру, я поняла, кто писавший. Мне самой было как-то неудобно передать тетрадку Булату, и я отдала его другу. Этим другом был Зураб Казбек. О нем нужно поговорить особо. Умный, талантливый, совершенно изумительно пародировавший разных актеров. Закрываешь глаза и слышишь даже неповторимый голос Качалова. Кроме того, он был очень красив. Все девочки были от него без ума. Я не раз еще буду писать о Зурабе, потому что до конца жизни Булата он оставался его самым близким другом.

Между прочим, основное ядро участников бригады продолжало дружить еще много лет. К ним надо отнести Владимира Мосткова, обаятельную Инну Хесану и еще несколько человек... Итак, тяжелейшие годы войны. Булат жил тогда у тети, родители его были репрессированы в

страшном 1937 году. Из дома тети он ушел добровольцем на фронт. Его отношение к войне прекрасно отражено в стихах его и песнях. После возвращения с фронта он поступил в университет и вскоре женился. Я не была знакома с его первой женой, но как-то чувствовалось, что он не особенно счастлив в браке. Окончив университет, он работал некоторое время в Калуге учителем, но рвался в Москву.

Конец 50-х годов и начало 60-х. С успехом проходили вечера в Политехническом, где молодые поэты Евтушенко, Рождественский, Вознесенский читали свои стихи. А

Б. Окуджава

Булату кто-то из друзей дал в руки гитару, и, как он говорил, самая большая удача пришла к нему тогда, когда он в первый раз придумал мелодию к своему стихотворению. Он начал петь и успех был потрясающий. Это были какие-то необычные песни. Поэт Юрий Ряшенцев позже писал: «Когда во всех концах державы,/ Магнитной лентой шестелестя./ Возникли песни Окуджавы,/ Страна влюбилась в них...»

Влюбилась, потому что они были добры, мужественны и красивы.

Помню, как Булат приехал в Тбилиси и был его вечер в Доме писателей. Я не смогла пойти из-за того, что в школе моей была комиссия. Булат спросил у мамы, почему меня не было и когда узнал причину, сказал, что на другой день вечером придет к нам и споет для меня всю программу.

А. Малхаз-Тарумова

Так он и сделал. К тому времени он уже был разведен с женой. Вернувшись в Москву, он через некоторое время женился на Ольге Арцумович. Это был очень счастливый брак. Ольга – замечательный человек, и сын у них тоже замечательный. Булат переписывался со мной. Письма были лаконичные, но интересные. Когда в 1976 году был напечатан его роман «Путешествие дилетантов», он прислал его маме с автографом. В дальнейшем, когда выходили его новые книги, он неизменно посылал их мне с автографами. И только последняя его книга «Чаепитие

на Арбате», куда включены стихи разных лет, была мне прислана Зурабом с запиской: «Она не подписана, так как вышла после его смерти».

Я всегда поздравляла Булата с днем рождения, посылала ему небольшую бандероль, старалась выбрать то, что может его заинтересовать... Не помню точно, какой это был год, когда Булат приехал в Тбилиси. Был объявлен его концерт в филармонии. Накануне забежал Зураб и принес мне билет (мама тогда была прикована к постели). Я взяла несколько гвоздик и пошла на концерт. У здания филармонии творилось что-то невообразимое. У каждой двери стоял милицкий кордон. После первого отделения я пошла за кулисы, передала ему цветы, мы обменялись несколькими фразами, я не хотела отвлекать его перед выступлением. Он в этот раз пробыл в Тбилиси недолго. Зашел навестить маму. Мы провели очень приятный вечер. Он фотографировал нас (маму, меня и мою дочь). К сожалению, эти фотографии не получились... В 1983 году мама умерла. Я получила огромное количество телеграмм, в том числе очень трогательные от Зураба и Булата. Я все время металась, не находила себе места и решила взять внучку и поехать в Москву, повидаться с родными и друзьями. Через пару дней после приезда в Москву я позвонила Булату, он очень обрадовался моему звонку. Я пошла к нему. Оля тоже встретила меня исключительно тепло. Мы провели чудесный вечер в его скромной, но уютной квартире. Пили чай с вареньем. Со шкафа смотрело на нас чучело большого ворона. Булат играл с маленькой собачкой. Мы говорили о многом. Рассказал он и такой забавный случай. Чабуа Амирэджиби как-то послал ему письмо. Не зная номера дома, он надписал его так: «Безбожный переулок, Божественному Булату». И письмо дошло. Потом Булат отвез меня к брату, у которого я остановилась. Вскоре мы с внучкой вернулись в Тбилиси. Переписка с Булатом продолжалась. В 1993 году, когда вышла его изумительная книга «Упраздненный театр», удостоенная премии Букера, он прислал ее мне, как всегда с автографом. Обычно он писал: «Дорогой Ниаре с давней любовью». Или «Дорогой Ниаре».

И вот наступил роковой 1997 год. Сначала все было благополучно. Потом он с женой поехал в Париж. Там он заболел гриппом. 12 июня его не стало. Мне очень трудно писать о своих переживаниях. Как будто я потеряла родного брата.

Я держу в руках третий номер журнала «Литературное обозрение» 1998 года. Он посвящен памяти Булата, годовщине его смерти. Тогда же этот журнал прислал мне Зураб. Авторы очень много. Напечатана, конечно, и статья Зураба «Воспоминание», а прямо под заголовком следующие слова: «Дорогая Ниара, я рад, что здесь есть портрет Анны Аветовны». Да, там два снимка: портрет моей мамы и Зураба вместе с Булатом зимой 1986-87 гг. Перелистываю журнал и не могу не привести несколько цитат. М. Чудакова: «Булат Окуджава – такое крупное явление, что требует перспективы». И дальше она приводит слова Юрия Карашевского о стихах Булата: «Ах, как хорошо! Бог ты мой, как хорошо! Какой веселый трагизм, какое радостное отчаяние, какая сладкая, неопасная боль!»

Заголовки еще некоторых статей: «Лицо посвящено Булату» (Белла Ахмадулина), «Булат Окуджава – родной брат Человечества, искупающий, как подобает поэту вину Человечества, все прегрешения человеческие».

Друг Булата композитор Исаак Шварц озаглавил свою статью: «Заряд любви», и вот какие слова: «...Я горд и счастлив, что много лет был рядом с этим замечательным, добрым, мудрым, тонким, душевным человеком. Булат был смелый, мужественный, светлый и прекрасный человек... Его стихи, его песни, его проза несут в себе огромный заряд человечности, доброты, любви к ближнему. Поэтому его любят и чтут миллионы».

Что можно прибавить к этому?

Если спросить меня, то я считаю, что среди лучших представителей российской интеллигенции XX века самыми выдающимися были двое: академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и Булат Окуджава...

Май 2005 года. За столом в моей комнате сидят два старых человека: я когда-то девочка, похожая на Дину Дурбин, и крупный, плотный мужчина, некогда покоритель девичьих сердец, Зураб Казбек, приехавший на 10 дней в Тбилиси, где в основном живет его жена, тоже чудесный человек. Мы вспоминаем нашего друга Булата, мою маму, друзей из агитбригады.

Я часто мысленно обращаюсь к Булату, чтобы он мне посоветовал в той или иной трудной ситуации. Да, я говорю с тобой, Булат. Мне кажется, что ты слышишь меня – светлая память о тебе будет жить в моем сердце до последних дней моей жизни. Да святится имя твое!

НИАРА МАЛХАЗ

Н. Малхаз

ПРОДЛИТЬ «ДУХ ДРУЖЕСТВА»

Любой город – живой организм, индивидуальность, у каждого свой ритм и своя жизнь. Иногда более быстрая, нервная, иногда – замедленная, ленивая. Один город напоминает монстра, раскинувшего свои щупальца на огромные расстояния, другой – одинокий корабль со случайными пассажирами, плывущий неизвестно куда, третий просто зевает, равнодушно взирая на своих обитателей...

...Это был город, которому, по словам Отара Иоселиани, был присущ «дух дружества». Город теплых и мужественных лиц, потертых шинелей, пыльных мешков и бурдюков с отменным вином, где только что изготовленные колыбели качались в мастерских, как Кура качала на волнах плоты пирующих тифлисцев, а веселые кинто и карачохели кочевали из духана, скажем, «Не уезжай, голубчик мой» в «Белый духан», где казались крыльями разрисованные Нико Пиросманашвили клеенки и стены.

Тбилиси... Увезти эти горы с собой, эти домики, эти улочки, эту культуру застоля – желание многих уезжающих отсюда, коренных тбилисцев, да и гостей тоже. Впрочем... «Тбилиси из тебя не уезжает, когда тебя в дорогу провожает» (Е. Евтушенко).

Вышедший в 1985 году, альбом-фотолетопись «Старый Тбилиси» и сегодня остается самым лучшим, уникальным неповторимым свидетельством живого прошлого нашего города. Он – соединительная ткань, живящая в постороннего человека дух, запахи и настроение города позпрошлого – начала прошлого века и оживляющая у тбилисца всю гамму чувств, из которой складывается необычная музыка теплоты и любви, которую он испытывает к родному городу.

Рассказывает автор фотокниги «Старый Тбилиси» Тамаз Герсамия, архитектор, искусствовед.

НАЧАЛО

Идея создания труда о Тбилиси, видимо, была предопределена всем характером моей предыдущей деятельности: дипломный проект «Старый Тбилиси», кандидатская диссертация, статьи о Тбилиси. Но конкретно идея возникла в конце 1977 года. Я перебирал книги, которые привез из Чехословакии и как-то иначе перечел одну из них: «Прага в цветных и черно-белых фотографиях». На меня подействовали черно-белые, ведь фотоальбом обычно ассоциировался с понятием цветного. Еще во время учебы я использовал старые, исторические фотографии города. Так возникла идея сделать книгу «Ста-

рый Тбилиси» в черно-белых фотографиях. Я знал, что эти фотографии находятся в разных музеях Грузии, в том числе Музее искусств, в Государственном музее Грузии, и принялся за дело. Первый этап – ознакомление со всем материалом, который имелся в музеях. Было просмотрено несколько тысяч негативов и фотографий. При этом очень сложно было фиксировать их для будущего отбора. Я отбирал ориентировочно и больше, чем понадобилось.

- Фотографии охватывают период конца 50-х - начала 60-х годов XIX века по 1917-й....

- Да, и надо было выбрать наиболее интересные, выразительные. Мучительный процесс, потому что все они были хороши по-своему. Были общие виды города, отдельные здания. С самого начала существовала такая идея: город с архитектурной точки зрения. Постепен-

Т.Герсамия

но она стала обрывать материал. При ознакомлении с жанровыми фотографиями хотелось ввести и это: скажем, кинто, карачохели, или просто жизнь Тбилиси: восточный базар, лавки, мастерские. После этого добавились, условно говоря, общественные события – кееноба, похороны Ильи Чавчавадзе, перезахоронение останков Бараташвили, «День Белой ромашки» - в 1912 году началась благотворительная акция борьбы с туберкулезом. Ее символом стала белая ромашка. В конце 70-х годов XX века такие явления для нас были немножко странные. Скажем, благотворительность. То,

что для нас сегодня становится понятным, лет 20-25 назад было непонятно и даже удивительно. Продавали символ, платили деньги, потом на эти средства строили санатории и т.д. И, в общем, книга начала как-то обрастать, город наполнился жизнью, стал более осязаемым, реальным, потому что только архитектура – не то, городские типажи помогли бы будущему читателю ощутить город, его характер. Забегая вперед, могу сказать, что к этому я добавил рекламу, еще неизвестную нам, афиши кинофильмов: «В когтях львов», или «Потерянные в первобытном лесу». Часто, когда мы проходили эти этапы, нас спрашивали, почему вы не делаете на контрасте, на сопоставлении. Скажем, проспект Руставели, какой-то участок тогда и сейчас. Во-первых, мы считали, что «сейчас» - не всегда в пользу нового, современного. И кроме того, была одна линия. И еще поэтому черно-белые... Мы-то могли снять те же здания, но

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

Наиболее важным из вопросов была датировка фотографий. Например, когда был всероссийский холодильный съезд пришлось уточнять, потому что это было забыто. Но виды города было сложнее датировать. До этого писали так: фото второй половины XIX века – начала XX века. Более детальных дат не было. В первую очередь нужна определенная смелость, чтобы на это решиться. В общем, все фотографии были датированы с возможно максимальной точностью. Были датировки с разницей в два-пять лет, то есть насколько реально позволял материал. Я разработал целую систему признаков. Во-первых, вид негативов. Существовали коллоидные и желатиновые. У нас желатиновый первым применил в 1883 году Д. Ермаков. Соответственно, коллоидные – более ранние. Потом датировка по зданиям. Если здание построено, скажем, в 1900-ом, значит, фотография, где оно есть, сделана не ранее этого года. Или кон-

Выбор ковров. Фото начала 1900-х годов

решили обойтись цветными, раскрашенными анилиновыми красками открытками. Это больше в стиле эпохи. Например, татарский Майдан: фотография и тут же с этой фотографии сделана раскрашенная красками открытка. Во всяком случае, ощущение цвета дается, и это получилось в тех же рамках. Или же картины, воспроизводящие виды города в том же ракурсе, что и на фотографии. Есть картина Лагорио «Вид Тифлиса». Иногда у меня возникает подозрение, что, может быть, и он использовал фотографию. Воспроизвели живописные портреты, шарманку с надписями.

Приезд Шаха Персидского в Тифлис. 1900 год

ка, трамвай. Конка в 1883 году появилась на Головинском проспекте. В зависимости от того, где она, устанавливаешь нижний предел. Трамвай появился на Головинском в начале 1905 года. Если он уже есть, то фотография не ранее 1905-го. Это очень просто. Затем – мосты. Деревянный Авлабарский мост существовал до 1870 года. Железный – после. Кроме того, надписи на вывесках. Например, была аптека Маккера на Воронцовской площади, Маккер, по газетным объявлениям, был там до 1881 года. Потом перешел в здание напротив, в дом Лихотинского. Вторая сложность – подписи к фотографиям. Мы решили максимально со-

хранить. Например, «Головинский проспект, дворец наместника, гауптвахта», «Северные номера». Не указано, что где находится. Или «Рыбаки на бурдючном плоту на реке Куре». «На Куре» – достаточно, но поскольку там «на реке Куре», мы оставили. Или в оригинале - «Винный подъем и Песковская улица». Сейчас не существует Песковской, поэтому добавили «Песковская улица слева». Мы старались сохранить сам характер надписей. А полные аннотации дали в конце книги. Или кееноба – народное празднество в память об изгнании персидского шаха. Объяснение события требовало ознакомления с материалом в архивах, библиотеках, потому что, скажем, термина «кееноба» в энциклопедии нет. Приходилось консультироваться. Надо было прочесть всю прессу с 1846 по 1920-21 годы. Я старался больше места предоставить фотографиям, поскольку они говорят сами за себя.

Театр грузинского дворянства. Зрительный зал. 1908 год

Николаевский мост, Чугурети, Куки и Пески. Фото конца 1890-х годов

СТРУКТУРА КНИГИ

Академик Вахтанг Беридзе, директор Института истории грузинского искусства, считал, что материал может располагаться или тематически, или хронологически. Но тематическое деление условно: архитектура, быт, жанровые зарисовки, события. Хронологическое – мало фотографий конца 50-х - начала 60-х. После долгих размышлений я решил представить себе город глазами путешественника. Сначала он летит на самолете, видит город сверху. Поэтому в начале книги у нас есть общие виды города. Затем он прилетел в Тбилиси. Откуда начинается обзор? Естественно, с исторической части. И здесь есть общие и средние виды этой части города. Он видит архитектуру, улицы, магазинчики, духаны, людей, которые крутятся именно в этом районе. Потом я ре-

шил, что при помощи мостов – мы так наводим мосты – он переходит в другую часть. Скажем, Авлабар, потом через Воронцовский мост возвращается на Эриванскую площадь, ныне – площадь Свободы. Начинается Головинский проспект – Руставели. Очень интересно получилось, когда так расположили. Каждая часть города приобрела свой характер. В старой части здания, люди – жанр один, а на Головинском и люди другие, и здания. Получилось естественно, потому что он ходит, чувствует: вот старый город, вот новый, эти люди относятся к той части, эти – к другой.

- Грубо говоря, город разделен на районы – убани...

- Как и сейчас. На Вознесенской, в Сололаках, и люди другие, и атмосфера, и архитектура. В отличие, скажем, от Дидубе или Навтлуги.

... Итак, когда собрали весь материал, мы с Вахтангом Беридзе

решили предпринять какие-то шаги для издания книги. Я убедился в том, что людям надо это показать. На словах не так действовало. Поэтому я сделал черновой макет. В 1983 году в Тбилиси проходил международный симпозиум по грузинскому искусству, и институт по действовавшей тогда системе получил квоту на издание печатной продукции. При поддержке первого заместителя председателя Госкомиздата Грузии Ревазы Глonti мы получили возможность сотрудничать с разными издательствами. Наш выбор остановился на издательстве «Сабчота Сакартвело» (директор Гурам Панджикидзе). Полиграфические возможности издательства не позволяли осуществить задуманное в полном объеме. Тогда мне сказали, что если кто-то и сможет напечатать такой сложный материал, то только японцы. Но выйти на японцев

Сад музея, двор женской гимназии, дворец и церковь св. Давида. Фото 1880-х годов

просматривал он. Я очень волновался, потому что к любой фотографии можно было придаться. Он не разрешил опубликовать только одну фотографию: приезд шаха персидского в 1900 году. Я его спросил, почему нельзя. Он сказал: нельзя, и все. Чем это было вызвано, не знаю. Почему я заинтересовался: я этим дополнял общественные явления. Например, были у нас все-российские съезды: археологический, холодильный, водопроводный и другие. И еще - мы сейчас знаем, как встречают

в те времена было практически невозможно. Я поехал в Москву, состоялись переговоры, пригласили куратора по Японии - Валентину Александровну Секретар... С ее помощью через Внешторгиздат мы вышли на японскую базу. В течение года велись переговоры с японской фирмой «Топпан». При этом я отстаивал определенный объем, и в итоге вышло почти 300 страниц и около 400 фотографий. Забегая вперед, могу сказать, что только полиграфические услуги обошлись в 403 тысячи долларов. Я решил взять художников - москвичей В. Крючкова и В. Марковского. К сожалению, Марковского уже нет. С Крючковым до сих пор поддерживаю отношения. Оба входили в число лучших художников книги страны. Дело не только во вкусе, оформлении, - грузинские художники это все умеют, - нужно было знание полиграфии, технологии той базы, где будет печататься, и в этом отношении они были подготовлены. Японцы сделали все на высшем полиграфическом уровне. Например, фото Головинского проспекта: фазтоны, офицер. Фотография - где-то 20 на 24. Японцы настолько увеличили ее фрагменты, что стали видны эпюлеты офицера, который оказался полковником. Или вид города с фуникулера - 500-процентное увеличение. Фотография - 12 на 17, они так раскинули, что не чувствуется этого. Мы долго искали для оформления книги красный цвет. Нам навалили целую гору образцов, но ни один из них не устроил. Нужна была ткань на обложку. Глава представительства фирмы Хонго-сан не мог успокоиться, он принес из футляра наручных часов ткань красного цвета, которая точно подошла к замыслу, вырезал и приклеил как образец. Фирма солидная, и они были обязаны удовлетворить самые взыскательные запросы заказчиков.

ЦЕНЗУРА

Основным цензором был Георгий Хуцишвили, он сам издавал в Финляндии путеводители по Тбилиси. Интересный человек, художники сказали: скорее похож на артиста, чем на начальника Главлита. К нему-то я и направился с иллюстративным материалом. Кто проверял текст - не помню, но фотографии

высокопоставленных лиц, много общего: там тоже была полиция, толпа. И как это оформлялось тогда - интересно. Сейчас проще, а раньше устраивали Триумфальные арки, украшали еловыми ветками.

Далее нам понадобился военный цензор, мы давали общие виды города. Пришлось пойти в здание редакции газеты «Ленинское знамя». Полковник все разрешил, а потом начал сам рассматривать фотографии. Одна из них - «Муши на Майдане» («Носильщики тяжестей»). Долго смотрел, спросил, кто такие, сказал, как жизнь вперед пошла - шинели, стоптанные сапоги, и тут же: «Но какие же у них красивые, спокойные лица». Потом настал черед картографической цензуры. Надо было получить разрешение на воспроизведение карты. Мне хотелось издать карту 1913 года, очень красивая. Но сказали, что так нельзя пускать - все-таки карта с сеткой координат. Мы решили графически выполнить ее. Я отнес с уверенностью, что нам разрешат. Нет. «Почему нет?» - «Потому что точность сохранили». - «Ну и что?» - «Нельзя». Я говорю: «Они же на Западе знают Тбилиси». Короче говоря, он сказал - главное, чтобы это не исходило от нас. То есть он допускает видимость со спутников, но чтобы кто-то не сказал, что это он пропустил, и посоветовал взять туристическую карту. Но они такие грубые, топорные. Он мне перечислил следующие условия: размеры кварталов должны быть искажены на 200-300 метров, объединены, изменено направление улиц, несколько улиц надо достать. Короче говоря, я все-таки был оптимистически настроен, сел и решил согласно этим условиям спасти карту. Когда все сделал, к концу дня я посмотрел, и оказалось, что вновь вышла туристическая карта. Для такой книги было грубо. Пришлось лавировать и мы предпочли дать карту подчеркнуто схематично.

Здесь я хочу два момента выделить. У местного руководства к старому Тбилиси было неподвзятое отношение: кинто, карачохели, кутежи на Куре, Ортачала - особый образ жизни, но в Москве к это-

му отнеслись иначе. Мы пишем «Старый Тбилиси». Фактически это фотографии конца 1850-х – начала 60-х и кончая 1917-м годом, это Тбилиси капиталистического периода, мы смотрим на него и восторгаемся. У нас психологически другие ассоциации – с прошлым, а там строже смотрели, они увидели едва ли не пропаганду капитализма. До передачи японской фирме мы должны были пройти специальную комиссию Главкомиздата СССР – экспертная комиссия по изданию книг за рубежом. Я дотошно собрал список, обещал помочь А. Серебряков, главный художник, который благоволил к Крючкову. Председателем был Б. Пидемский, директор издательства «Аврора». Секретарем же – Ирина Сажкова – симпатичная,

Метехский замок, река Кура, Караван-сарай. Фото конца 1890-х годов

плотная, все время смеялась, шутила, но время от времени хотела что-то уточнить. Один из вопросов: «Ребята, скажите честно, зачем вам столько мастерских? Не пропагандируете ли вы частную собственность?» Мы ответили, что нет. В голову не приходило. «А рекламы к чему вам?» Мне пришлось ответить, что там есть реклама Шумана. Мне она понравилась, поскольку своеобразная: «Не верьте рекламам, но товар, который вы у меня купите, самый лучший». Я говорю: «Ведь Шумана нет уже, этой рекламы нет, и, в конце концов, граммофона тоже нет. Что же мы можем рекламировать? Просто это время, эпоха». Спрашивали на комиссии: «Действительно ли культура занимала такой большой удельный вес в жизни города?» Там же есть театры, рекламы, афиши. Что ответишь? Видимо, было, поскольку это же документальное. На что получил ответ: «Но вы же сейчас это делаете». То есть вы можете кое-что изменить, подтасовать. Я сказал, что не понимаю, зачем надо менять, и, кроме того, привел такой контраргумент: «Горький первый рассказ опубликовал в Тбилиси. Лев Толстой тоже первые произведения свои создал в Тбилиси. Шалапин впервые здесь запел. Куда больше?» На что мне ничего не ответили. Потом еще: «Послушайте, товарищи, а может быть, это то, о чем недавно писал Черненко – о любовании патриархальщиной? А вдруг это патриархальщина? Мы этим любуемся». Короче говоря, не пустили. Может быть, они и были по-своему правы – уж очень симпатичный Тбилиси капиталистического периода. Но и зарезать книгу не могли, просто пускали ее на отечественную полиграфическую базу. Но это было бы, конечно, не то качество. Что делать? Мы обратились к руководству. Слава Богу, тогда была выставка

международной книги, и председатель Госкомиздата Элгуджа Маградзе забрал бумаги, которые нам не подписали: «Посмотрим, может, что-то сделаем». На второй или третий день он меня зовет – все в порядке, возвращает подписанные документы. Подписывали двое: Емельяников Сергей Павлович, директор Внешторгиздата, он учился с Элгуджей Маградзе в Высшей партийной школе и Пидемский. Книгу приняли, самый тяжелый этап мы прошли. Начался следующий.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Макет мы делали вместе с художниками, в Москве мне приходилось раз в полтора месяца на 10-14 дней ездить (сегодня у Вити Крюčkова книга как визитная карточка). Были волнующие моменты, когда пришел первый пробный оттиск, причем с иероглифами японскими. Мы старались, чтобы было лучше. И каждый раз они нас за это благодарили. И как-то Крючков меня спросил: «Почему они благодарят, когда мы им замечания делаем?» Я не выдержал и спросил их. Милая переводчица, Бермонт Ия Александровна, родилась и выросла в Японии, перевела мой вопрос японцам. И тогда Хонго-сан ответил: «Мы учтем ваши замечания. Будет лучше для книги? Будет. Лучше она получится? Да. Наша работа лучше станет? Да. Вот за это мы вас благодарим». Интересная психология. После долгой работы встал вопрос о суперобложке. Ребятам хотелось дать ее в семи цветах. А ведь каждый цвет – лишние расходы. И как-то, при удобном случае, мы договорились. Замдиректора Внешторгиздата Л. Кофтов, видимо, был в хорошем настроении и согласился. Это обошлось в 25-30 тысяч долларов. Говорят, художникам,

Дети Великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1869-70 годы. Сидят (слева направо): Николай, Александр, Михаил; стоят: Георгий, Анастасия

- На официальном сайте госдепартамента США среди книг, которые нужно прочесть, чтобы узнать больше о Грузии, наряду с Руставели, Дюма, Лермонтовым, Толстым, Шеварднадзе и иностранцами-современниками, рекомендуется и ваша книга-фотоальбом...

- Альбом «Старый Тбилиси» предлагается на разных сайтах, какие-то фирмы его продают, но, честно говоря, откуда столько экземпляров - не знаю, тем более в мягкой обложке, мы выпускали в твердой.

- Тираж альбома изначально - 30000 экземпляров. Есть ли он в свободной продаже?

- Часть тиража должна была пойти за границу. В Грузии его можно найти у букинистов.

- Переиздать не хотели бы? С учетом новых реалий...

- Можно было бы, но это очень дорогое удовольствие. Книги такого формата стоят дорого и наши издатели пока не рискуют. Хотя ее новое издание стало бы лучшим подарком для гостей и жителей Тбилиси.

архитекторам не хватает двух дней, так было и с нами. На второй день должен был приехать Курова-сан, забрать материал в коробочках, а он у нас не был готов. Всю ночь работали. Потом Крючков вышел из строя, больше уж не мог, удалился домой, мы с Марковским доделывали. В 6 часов вернулся свежий, отдохнувший Крючков, и мне сказал: «У тебя завтра какие-то дела, иди выспись». Я поехал в гостиницу с таким чувством, словно камень с плеч. После семи лет - завершение. Приехала машина, мы погрузили материал. И один из нас заметил: «Такая подворотня и такая тачка». И действительно, красивая «Хонда» была. Выехала с мигалкой, и контраст: кирпичная стена подворотни внутреннего двора московского дома и эта машина с материалом. А дом, между прочим, и мастерская были на улице Горького. Приятный момент: в 1985 году пришли сигнальные экземпляры. Но мы в первое мгновение как-то не ощутили долгожданной радости. Настолько было все сложно, и выглядела книга как что-то незнакомое, непривычное. В Тбилиси всем очень понравилось, нам дали грамоты Госкомиздата Грузинской ССР. В 1985 году книга на конкурсе-смотре лучших книг Госкомиздата СССР получила диплом первой степени. О ней много писали в советской и зарубежной прессе. На венгерском телевидении Ласло Медвецкий представлял книгу. Была публикация в «Правде». Когда приезжала Маргарет Тэтчер, ей подарили альбом.

В этой книге будто слышится скрип арбы - или уже это конка конца XIX века? - и многоголосье «на реке Куре», - или на крыше дома? - плач дудуки одновременно со звуком выбиваемых ковров, неторопливый разговор только что вывесивших новые рекламы остроумных и добросовестных лавочников, который заглушается шумом на Майдане, сравнительно недалеко собирается серьезный и спокойный народ посмотреть очередной спектакль в любимом театре, тянутся вверх со взлетающими куполами еще не уничтоженные церкви, среди которых грандиозный Соборный храм Кавказской армии, в духане сидит Нико Пиросмани с его непередаваемой детской грустью, невыносимо гениальной печалью, обходящий - по левую сторону Куры - аристократический Головинский проспект, чтобы выполнить какой-нибудь заказ, сидит и на деньги, полученные от этого заказа, пьет вместе со случайными и неслучайными людьми, с кинто и карачохели, пьет за любимый город, за дружбу, за любовь, за светлую печаль души. И играет, играет шарманка...

Меня любовь держала - обвалилась./ Всех тянет вниз, так не сдавайся ты хоть./ Ах, Грузия, ты в этой жизни - милость./ Пристройка к ней, прибежище и прихоть!

(А. Кушнер)

ИННА КУЛИШОВА

МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ

М. Абашидзе и П. Нестеров с авиаторами 3-й авиароты

Двухместный «Альбатрос», безнаказанный, уходил на запад, беспорядочный ружейный огонь с земли вреда ему нанести не мог, когда прямо по курсу выскочил наперерез быстроходный «Моран» и, используя преимущество в скорости, ударил мотором в альбатросову плоскость. Через мгновение оба летательных аппарата начали стремительно падать: тяжелый австриец и атаковавший его российский самолет. Наблюдавшие за драмой в воздухе, едва выйдя из шока, устремились к месту катастрофы; там, западнее Жолкева, в поле, среди обломков самолета, лежал навзничь в траве штабс-капитан Петр Нестеров. Он первый увидел в зачистившем к ним разведчике реальность провала операции 3-й армии, гибели десятков тысяч солдат, и ценой собственной жизни прервал разведывательный полет австрийского лейтенанта барона Фридриха Розенталя, сына владельца местного имения.

Был полдень 26 августа 1914 года. Год и один день разделяли два события в жизни Петра Нестерова – день его триумфа и день героической гибели. Первая в мире «мертвая петля» и первый в мире воздушный таран. Два подвига на пределе сил и возможностей человека, взявшегося доказать, что в воздухе везде опора. Воздух предал его, бросил с размаха вниз, с перебитым позвоночником, бездыханного.

Оглушенные горем, обнажив головы, стояли над

мертвым командиром офицеры и младшие чины. Сжал в руках кожаную авиаторскую каску подпоручик князь Абашидзе. О чем думал он, стоя на солнечной лужайке? Может, о бренности жизни горстки этих смельчаков, бросивших вызов небу. Сейчас оно безучастно смотрело на небывалое скопление людей. Свидетель бесчисленных смертей на бессмысленной кровавой бойне, так и не привыкнув к потерям, Абашидзе вспомнил Сырецкий военный аэродром близ Киева, откуда в редакцию петербургской газеты «Вечернее Время» была отбита телеграмма сенсационного содержания: «Киев, 27 августа 1913 г. Сегодня в шесть часов вечера военный летчик 3-й авиационной роты поручик Нестеров, в присутствии офицеров-летчиков, врача и посторонней публики, сделал на Ньюпоре на высоте 600 метров мертвую петлю, т. е. описал полный круг в вертикальной плоскости, после чего спланировал к ангарам. Военные летчики: Есипов, Абашидзе, Макаров, Орлов, Яблонский, Какаев, Мальчевский, врач Морозов, офицеры: Родин и Радкевич».

Заочное соперничество с французским асом Адольфом Пегу за лавры первого исполнителя «мертвой петли» завершилось триумфом лучшего авиатора России. Его обеспечили нестеровское летное умение, точный математический расчет, безудержная отвага победителя воздушной гонки наперегонки со смертью. Поистине смертью смерть поправ. Петля показала авиаторам

выход из тупика катастроф, уносивших человеческие жизни.

Среди подписавших киевскую телеграмму обнаруживаю начальника 12-го корпусного авиаотряда штабс-капитана Макарова, спортивного комиссара при Киевском обществе воздухоплавания военного летчика штабс-капитана Орлова, спортивного комиссара Императорского Всероссийского аэроклуба поручика Есипова и поручика Мальчевского из 9-го корпусного авиаотряда.

В этом списке меня особенно заинтересовала фамилия Абашидзе. Кто вы, наш земляк, военный летчик из далекого прошлого, именуемого героическим периодом авиации? Вспоминаю с признательностью помогавших мне советами и просто человеческим сопереживанием одного из старейших российских летчиков обаятельно Михаила Сергеевича Мачавариани (мне бесконечно

П. Нестеров

дорога его книга воспоминаний «Глаза на юг» с теплой дарственной надписью), двух сестер, настоящих аристократок, из старинного особняка выше Кирочной улицы (ныне ул. Марджанишвили), под самой горкой, за которой громыхла железная дорога. Их брат летчик погиб незадолго до начала Первой мировой войны – не смог вывести из штопора опрокинутый ветром аэроплан, «мертвая петля» тогда была неизвестна.

Поиск осложнялся тем, что были неизвестны инициалы первого военного грузинского летчика. Как мало я

знал, пускаясь без нити Ариадны в каменные лабиринты миллионного города. Впрочем, миллионным он стал позже, десять лет спустя, а тогда я знал одно: у летчика Абашидзе была жена красавица. С этим зыбким ориентиром – сколько красивых женщин в Тбилиси! – включаюсь в поиск. Постепенно круг сужался, захожу как-то в очередной двор, расспрашиваю жильцов, не очень надеясь на удачу, и о чудо! Случайно вышедшая в то время на балкон женщина мне говорит: «Я знаю ту, кого вы ищете» и называет адрес!

Иду по адресу. На звонок дверь открывает Екатерина Николаевна, усаживает меня за стол под уютным большим абажуром и, выслушав, говорит: «Да, это мой муж. Он окончил Севастопольскую авиационную школу в один год с Петром Николаевичем Нестеровым». Хозяйка уходит в соседнюю комнату и возвращается с коробкой, достает из нее фотографии разыскиваемого мною военного летчика. Еще на одной – сама Екатерина Николаевна в молодости – истинная петербуржка, с толстой косой на высокой груди; даже на фотографии видно, какая она тяжелая и золотая. «А это сестра Михаила Дмитриевича», – говорит хозяйка, протягивая мне портрет молодой девушки.

В тот вечер, перебирая редкие семейные фотографии, я узнал от Екатерины Николаевны подробности, которые тщетно искал в архивах.

Михаил Дмитриевич Абашидзе родился в 1889 году в семье командира Северского драгунского полка. Окончил кадетский корпус в Тифлисе и Николаевское кавалерийское училище – в те годы звание военного летчика могли получить только лица с высшим военным образованием. Осенью 1912 года Абашидзе окончил курс Севастопольской авиашколы. Одновременно с ним на севере, в Гатчине, окончил Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу Петр Нестеров, выпускник Нижегородского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища. Случайно ли это совпадение? Думаю, нет. Оба принадлежали к числу прогрессивно мыслящих людей своего времени, горячо любили авиацию, стремились приблизить ее к насущным делам. Очень скоро их дороги сошлись. Весной 1913 года обоих зачислили в 3-ю авиароту, расквартированную под Киевом, неподалеку от полустанка Святошино, где размещался основной аэродром авиаотрядов; оба принимали участие в занятиях на Дарницком артиллерийском полигоне, к которым впервые привлекались авиаторы для корректировки огня.

И еще факт, подтверждающий дружбу двух летчиков, общность их интересов. О дальних перелетах Петра Нестерова Киев – Одесса – Севастополь и Киев – Гатчина в марте и мае 1914 года написано немало. Его глубокие теоретические расчеты, знание материальной части самолета позволили установить новые всероссийские рекорды скорости и дальности. Но долго оставалась неизвестной мечта Абашидзе о фантастическом перелете, на который в те годы мог решиться только авиатор богатырского размаха. Как рассказал мне Михаил Мачавариани, Абашидзе в конце 1913 года задумал перелететь через Главный Кавказский хребет. Он перегнал самолет из Киева во Владикавказ, отсюда собирался совершить

воздушный прыжок в Тифлис, но состояние мотора вынудило его прервать полет. Начавшиеся войсковые маневры заставили его покинуть Владикавказ, для мирных перелетов времени не оставалось. Любопытно, что

П. Нестеров (слева) в кругу семьи

его идея транскавказского перелета была реализована только 2 октября 1917 года выпускником Кавказской авиашколы военным летчиком Е. Виташевским и в 1918 году летчиком А. Русановым и наблюдателем Н. Провириным.

С объявлением всеобщей мобилизации 31 июля 3-я авиарота в составе третьей армии юго-западного фронта выступила на театр военных действий в Галиции. В роте четыре авиаотряда, в их числе 11-й корпусный, где командиром Нестеров, и 12-й корпусный, где служил Абашидзе. 1 августа, в день объявления Германией войны России, он только возвратился из Сумского уезда Харьковской губернии, куда был командирован вместе с военным летчиком поручиком Соколовым для закупки на конном заводе двухсот лошадей, используемых в качестве гужевого транспорта при отправке имущества авиаотрядов на фронт. Факт достаточно красноречивый, подтверждающий, что в период мобилизации и с началом боевых действий летчиков нередко загружали поручениями, не имеющих никакого отношения к их редкой профессии.

Моя первая статья об Абашидзе в городской вечерней газете попала на глаза дочери авиатора Нестерова Маргарите Петровне, меццо-сопрано оперного театра в Нижнем Новгороде. Она просила сообщить ей неизвестные подробности об отце, возможно, имеющиеся в архиве его боевого друга. К сожалению, о последнем периоде жизни Михаила Абашидзе мне было неизвестно. Вдова о нем не распространялась, и я не расспрашивал, хотя и догадывался; время было такое – хрущевская эйфория по разоблачению преступлений сталинщины пошла на убыль, о трагедиях в семьях все еще предпочитали молчать. Тогда же я отписал в Нижний Новгород, что архив летчика Абашидзе не сохранился. Но чувство неудовлетворенности и вины осталось. Оно заставило меня отказаться от публикации в журнале «Огонек», о чем просила при каждой встрече его собственный корреспондент по Закавказью Ия Семеновна Месхи.

Шли годы, другие события отодвинули образ летчика божьей милостью, как называли в империалистическую войну крылатых сынов человеческих, воевавших с одним маузером на борту хрупких аэропланов, но фотографии сохранились, и тема будоражила сознание.

«Отречемся от старого мира...» – пели безбожники на страшном шабаше окаянных дней, унесших светлые души тех, кто был солью земли. Как цветы запоздалые, приходят к нам память, покаяние, слезы, и, увы, слишком поздно. Уже осудили кровавые репрессии, вернули доброе имя тысячам невинно загубленных, другие люди брались за дело, чтобы насилие и произвол никогда не подняли голову.

Я позвонил по правительственному телефону генералу КГБ. Он внимательно выслушал и отреагировал как следовало: «Да, конечно. Передайте о моем согласии». Через считанные минуты я оказался у цели, к которой шел долгие годы. У подъезда ведомства меня дождался офицер, молча провел длинными коридорами в небольшой читальный зал. «Сколько вам нужно времени для ознакомления с делом?» – «Один час». И вот, наконец, на столике передо мной тонкая папка из следственного фонда Государственного политического управления Закавказья по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом, спекуляцией и преступлениям по должности. Горькая правда о последнем пути подследственного. Торопливо читаю дело, стараясь не думать о происхождении бурных пятен на страницах.

Абашидзе Михаил Дмитриевич, 39 лет, имеретин, уроженец Кутаисской губернии, беспартийный, бывший князь, бывший дворянин, бывший офицер царской и белой армии. Последний чин – полковник. Служил до октября 1915 года в авиационных и автомобильных частях, с 1915 года до марта 1917 года в штабе 5-й армии адъютант начальника, профессия в авиации – летчик, в автороте – командир взвода, позже – старший офицер. До февраля 1918 года в 5-й армии редактор газеты, позже – командир автороты. В феврале попал в плен. С апреля по декабрь содержал ресторан «Прага» в Киеве. С апреля 1919 по 1920 год – в Одессе, в Добровольческой армии офицер-порученец при главном начальнике военных сообщений вооруженных сил юга России. С ноября того же года по 1927 год заведовал беженским отделом

персидского генерального консульства в Тифлисе. С 1927 года в комитете восстановления в Ленинакане, с декабря того же года – техник при управлении эксплуатации ЗАГЭСа.

Арестовали Михаила Абашидзе 14 апреля 1928 года в 10 часов вечера возле его дома на Вознесенской улице (ныне ул. Давиташвили). В квартиру, где его ждали мать Вера 62 лет и жена Китти, он не вернулся. Постановлением органов 8 мая Абашидзе привлекли к следствию в качестве обвиняемого. Тогда же с трехнедельным опозданием было выписано постановление на его арест. При обыске в доме обнаружены и приобщены к делу золотые часы и серебряное кольцо с простым камнем. И еще запомнилось: вещественных доказательств по делу не имелось и обвиняемый с июля находился в центральной больнице исправдома. Оба обстоятельства, похоже, не

М. Абашидзе. 1915 г.

смущали творивших суд скорый и неправый. Абашидзе обвинили в связи в 1922 году с «военным центром» при паритетном комитете антисоветской партии Грузии в лице бывшего полковника, расстрелянного в 1923 году, а также в военном шпионаже в пользу Персии, сборе военных сведений о Красной Армии, использовании служеб-

ного положения во вред советской республике и отправке диппочтой за границу контрреволюционных данных, и под видом персидских эмигрантов заведомых шпионов. Сам он, тревожась за судьбу оставшихся дома, истязаемый пытками, не пытался опровергнуть эти чудовищные обвинения, да и факт пребывания в тюремной больнице достаточно красноречив, вряд ли причиной послужили записанные в деле кишечные заболевания.

Александр Исаевич Солженицын, говоря в «Архипелаге ГУЛАГ» о карающей тяжелой длани 58 статьи, писал, что шестой пункт – шпионаж «прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок».

Как жил на широкую ногу, на деньги разведок скромный техник ЗАГЭСа Абашидзе свидетельствует реквизированное у него при обыске серебряное кольцо с простым камнем, но ненасытные жернова ГПУ уже готовились смолоть очередную жертву...

Протокол судебного заседания коллегии ЗакГПУ 22 октября 1928 года по обвинению Абашидзе Михаила Дмитриевича завершался коротким, как выстрел, словом «расстрелять». В левом верхнем углу обвинительного заключения злобная подпись председателя Груз ГПУ Берия – «утверждаю».

Я закрыл тонкую папку, потрясенный обиденной простотой этого страшного конца.

Несколько дней спустя, неожиданно для себя, оказался у знакомого дома. Хлопнула парадная дверь. «Вам кого нужно?» Смотрю на спрашивающую. Хорошее лицо, участливые глаза, помнит ли она... Оказалось, помнит. «Ту статью написали вы?» И женщина тут же, на улице, рассказала, что Екатерины Николаевны два года как нет в живых, после нее никого не осталось, где-то в Москве живет племянница Михаила Дмитриевича, приезжала на похороны...

На этом закончилась история семьи Абашидзе. Так считал я, но ошибся. Эта история была написана, когда, беседуя с соседкой, я назвал фамилию Абашидзе, и Анна Сергеевна вспомнила, как летом 1927 года отец пригласил отобедать у них дома, кого вы думаете? Абашидзе! Оба работали на строительстве по ликвидации последствий землетрясения в Ленинакане. Самое удивительное: Анна Сергеевна помнила, что Абашидзе, бывший князь и летчик, жил на Вознесенской улице!

Знакомый прокурор, с кем недавно я поделился этой историей, сказал: «А почему не допускаете, что причиной гибели Абашидзе была его красавица жена?»

Вспомнились шокирующие кинокадры аксеновской «Московской саги»: черный автомобиль со сластолюбивым главным чекистом страны в темном салоне. Камера панорамирует по Головинскому проспекту в Тифлисе, выхватывая в толпе лица и ноги красивых женщин. Пуркуа-па? (почему бы и нет?), как говорят французы. И если прав был поэт, сказав, что «свет погасшей звезды еще тысячу лет к нам доходит», то, наверное, рано ставить точку в этой удивительной и трагической истории.

АРСЕН ЕРЕМЯН

«НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ВСЕ ОТ БОГА!»

Натан Баазов – Нодару Поракишвили:

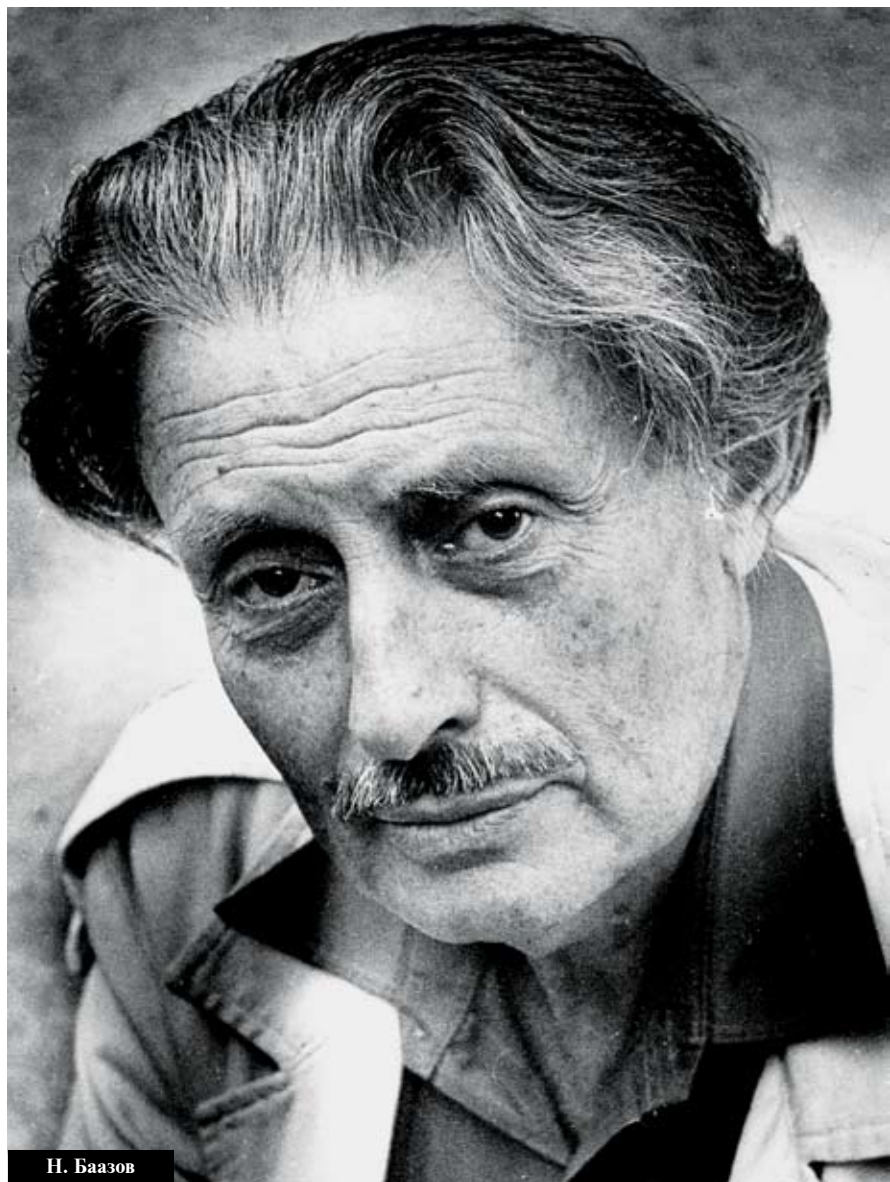
- Мы с тобой знакомы, можно сказать, с доисторических времен... А подружились лет сорок назад, когда начали наезжать к нашему другу на книжный склад в Орхеви за новинками, о которых узнавали из «Книжного обозрения». Кстати, я печатал в нем свои стихи и очерки и дважды получил премию этой газеты. И мы не думали, что лет через двадцать будем издавать свои книги. И не предполагали, что ты будешь беседовать со мной в качестве заведующего кафедрой истории русской литературы ТГУ. Кафедрой, с которой я общаюсь много лет: Т.Буачидзе, Г.Гиголов, К.Герасимов, И.Богомоллов стоят сегодня передо мной, как живые... И еще: я издавна дружу с профессором вашей кафедры Дмитрием Тухарели, а его дочь Майя, тоже профессор, является редактором шести моих книг.

- И сколько их у тебя?

- Если не считать монографий по физике, шестнадцать. Без учета сборников грузинских поэтов, изданных в Тбилиси, Москве, Берлине, Тель-Авиве, в которые включались и мои переводы.

- Ты стал лауреатом Государственной премии Грузии в области художественной литературы. Не могу не отметить, что книга, за которую присуждена премия, на русском языке, и это знаменательный факт. Не так ли?

- В авторском предисловии я пишу, что дружеские связи Грузии и России существуют много веков и будут существовать всегда, в том числе в сфере науки и культуры. Комитет по Государственным премиям Грузии в области литературы, искусства и архитектуры при президенте Грузии вынес свое решение в конце декабря прошлого года и в феврале оно было утверждено распоряжением М. Са-

Н. Баазов

акашвили. А премьер-министр Грузии З. Ногаидели в своем поздравлении в мой адрес отметил, в частности, следующее: «В результате Вашей исторической заслуги русскоязычный мир приобщился к жемчужинам грузинской поэзии XX века. Грузинское общество и власть искренне благодарят Вас за многолетнюю службу Отечеству, ставшую составной частью грузинской культуры».

- Ты ведь переводишь и классическую грузинскую поэзию. Не собираешься ли ты подготовить антологию своих переводов из поэтов прошлых веков?

- В первую очередь мне хотелось бы (об этом тоже говорится в моем предисловии) подготовить «Антологию

одного стихотворения» - лучшего в творчестве каждого поэта, и начну я с эпохи Шота Руставели.

- Тебе известно, что ряд моих книг - о России, о российско-грузинских отношениях. В твоей «Антологии» - немало хороших стихов самых известных грузинских поэтов на российские темы. Ты планировал презентацию книги в посольстве Российской Федерации. Состоялась ли она? Ты ведь участвовал во многих мероприятиях при всех послах.

- С В. Земским мы почти не общались. В начале 90-х я активно сотрудничал с газетой «Ведомости», и по просьбе И. Богомолова рекомендовал редакции его статьи. Богомолов же организовал в ТГУ доклады Ф. Станевского о серебряном веке русской поэзии. С Феликсом Иосифовичем мы подружились и часто беседовали на литературные темы. Когда он получил в Крцаниси новую резиденцию, он заехал за мной на машине «с флажками» и повез к себе. В его кабинете меня поразила одна из книжных полок: на ней стояло не менее десяти книг Мераба Мамардашвили, изданных в России, при этом многие были с автографами... Следующий посол В. Гудев с супругой и советником по культуре Д. Гончаром пришли в Дом работников искусств на мой творческий вечер, организованный композитором Нуну Габуния.

- На твои слова писали музыку многие композиторы...

- Перечислю некоторых из них: Н. Дугашвили, Дж. Кахидзе, Ш. Милорава, О. Тактакишвили, О.Тевдордзе... Что касается Н. Габуния, она автор 12 песен на мои слова: семи на русские тексты, пяти - на грузинские. Они исполнялись в России, США и ряде других стран. Вообще она любит писать музыку на слова русских поэтов, например, на стихи С. Есенина.

- Вернемся в посольство Российской Федерации...

- В начале 2003 г. в отеле «Марриотт» посольством была организована конференция русских обществ и национальных диаспор совместно с представителями правительства и парламента. Зарегистрировавшись, я увидел недалеко от себя нового посла. Подошел к нему поближе и принялся, каюсь, довольно бесцеремонно его разглядывать. Улыбнувшись, Владимир Ираклиевич спросил: «Что это вы на меня так смотрите?» Я объяснил, что мои первые переводы грузинской поэзии печатались в «Заре Востока» в начале 60-х, когда Ираклий Иосифович Чхивишвили был ее редактором. Вот так мы познакомились с новым послом, после чего постоянно общались на приемах и мероприятиях. Одна из последних наших бесед состоялась 30 апреля в Грибоедовском, на премьере «Избранника судьбы». Зрителей было около 60-ти, кресла стояли в виде круга на сцене, а в ее центре были расположены декорации. Все сидели на местах, но действие немного задерживалось. Я встал и прошел через сцену к сидевшему напротив российскому послу. Мы разговаривали с Владимиром Ираклиевичем и Ольгой Викторовной. Неожиданно посол повернулся к супруге и сказал: «А ты знаешь, что Натан стал лауреатом Государственной премии? При этом - за книгу на русском языке...»

- Сфера твоих литературных и нелитературных интересов достаточно объемна. Не существует никаких шансов подвести их под какую-либо универсальную формулу - научную или культурную, учитывающую различные факторы. Не сосредоточиться ли на тайном смысле внутреннего состояния - по отношению к природно-физическому миру?

- Чтобы ответить на такой вопрос, надо написать на-

В Парламенте Грузии

На открытии мемориальной доски Г. Баазова

учную монографию. Постараюсь покороче. Свыше полувека, еще учась в ТГУ и позже работая в Институте физики, я занимаюсь магнетизмом и нейтронами. Делал доклады на 60 всесоюзных и международных симпозиумах. С начала 90-х заинтересовался энергоинформационным обменом в природе. В 1995 году Ивери Прангишвили пригласил меня в новое отделение биоэнергоинформатики Инженерной академии. Был выбран академиком. Бывал в руководимом им Институте проблем управления РАН, где пол-института занимается т.н. паранормальными явлениями. Раз в два года меня приглашают в знаменитый ЛФТИ им. А. Иоффе. В 2002 году я решился прочитать там доклад, фактически подтверждающий существование Создателя.

В прошлом году в ГТУ на первой международной конференции «Наука и религия» сделал доклад примерно на ту же тему... Краткое заключение: существует новая наука - информაციология, утвержденная доктриной ООН. В России уже присуждаются научные степени в этой области. Из информაციологии вытекают все положения физики, химии, математики, биологии, философии, филологии, теологии, обществоведения... Художественный перевод поэзии - один из разделов этой науки. Вот тебе и ответ: так объединяются все мои литературные и нелитературные интересы...

- У талантливейшего Б. Поплавского есть неординарное определение поэзии: «Как тяжело катить стеклянный шар... Он кажется пустым и золотым». Не кажется ли тебе, что оно свидетельствует о некоторой «узости» словотворчества?

- Опять тема для монографии? Но ведь все талантливо дается тяжело. Достаточно посмотреть на рукописи А. С. Пушкина... Что-то «кажется» Б. Поплавскому. Ты меня спрашиваешь, не «кажется» ли мне? Истинное словотворчество не может быть узким. Недавно вышло 3-е издание моей «Книги Любви» - 1001 лирическое четверостишие. Ты же сам написал в своем предисловии к этой книжке: «За кем следует Н. Баазов и в ком он видит учителя и старшего собрата по перу? Он одинок в своих изысканных откровениях». А вот мой ответ - и Б. Поплавскому, и тебе: «Не тяжело катить стеклянный шар,/ и многое нам только кажется./ А в нем - отрада, но порой - пожар:/ веками шар стеклянный катится...»

- Почему ты, потомственный тбилисец, знающий историю нашего города, несмотря на то, что я три года тебя уговариваю, не хочешь «исполнить долг, завещанный от Бога», и написать о том, что неизвестно многим тбилисцам? Ведь они понятия не имеют о таких колоритных

С Послом РФ В. Чхиквишвили

фигурах, как, например, В. Эльснер, Б. Серебряков, Г. Крейтан...

- Не хочу? Не могу! Ты же знаешь, как я был занят последние три-четыре года... Но, тем не менее, написал две большие статьи для сборника «Грузинская русистика», выпущенного вашей кафедрой: «Тайна ритмики грузинской поэзии» и «К проблеме словотворчества в поэтической речи». Совсем недавно сдал для следующего сборника весьма объемистую работу о принципах перевода поэзии. А сколько всего на меня наваливается буквально ежедневно... Г. Крейтан был первым (а я стал почти 10 лет назад седьмым по счету) председателем секции русских литераторов Союза писателей Грузии. Секция существует свыше 80 лет. Я подготовил и провел заседание, посвященное 100-летию со дня рождения поэта, писал о нем статьи, обнаружил, что он является автором не 10, а 22 книг! Все материалы и видеокассету заседания отправил в Москву его сыну, известному инженеру.

Сын Бориса Серебрякова в начале 90-х переехал в

Германию. За несколько лет до этого Сергей Борисович, встретив меня на улице, недалеко от Кашветской церкви, начал читать стихи. Свои. Отцовские гены. Я посоветовал ему напечатать их в «Литературной Грузии» и издать сборник.

Владимир Юрьевич Эльснер. О нем можно написать целый роман. Я с ним познакомился, когда мне было лет десять. А стихи я начал писать с семи лет. И моя мать, которая его консультировала как врач (об этом ее попросила Ирина Штенберг, с которой они очень дружили), однажды повела меня к нему, чтобы я показал маститому поэту свои вирши. На входной двери была табличка с надписью «Профессор искусствоведения». Потом я бывал у него часто, так что могу считать его своим первым наставником...

- А кто был вторым? Или тебе больше никто не понадобился?

- Второго не было. В нашей знаменитой 43-й школе был прекрасный педагог по литературе - Софья Леонидовна Никифорова. Она обожала В. Маяковского и привила к нему любовь почти всего класса. А читал я только тех поэтов, которых мы проходили, и только по учебникам. В библиотеке моего отца, грузинского писателя, была собрана почти вся русская поэзия. Позже я приобрел выпуски «Библиотеки поэта», а также начал собирать тома дореволюционного «Чтеца-декламатора», но почти не раскрывал этих книг. Переводы зарубежной поэзии меня тоже не интересовали, т.к. я быстро понял, что это не переводы, а стихи, написанные на темы. Нередко это были либо вольные переводы, либо невразумительная отсебятина.

- Но книги о стихах ты, наверное, читал?

- Сбирал и ставил на полку. Читать все же надо было. Я это понял, когда мне в руки попала книга знаменитого поэта и переводчика. Первый его сборник «Розы с кладбища» вышел в 1914 г. «Еврейские поэмы» - в 1919-м. Однажды я купил его книгу «Техника стиха» (М., 1960, предисловие Л. Тимофеева). Кто это? Георгий Аркадьевич Шенгели (1894-1956). Мне уже было за двадцать, но учиться было еще не поздно. Книгу я прочитал с огромным интересом. Оказалось, что до основных законов стихосложения и перевода поэзии я все же дошел сам. Но кое-что было для меня открытием.

- В истории мировой поэзии было множество поэтов, которые, как и ты, поэзии не учились. Видимо, вдохновение, которое снисходит откуда-то свыше, подсказывает поэтам идеи и темы, ритмы и рифмы, строки и строфы, существует. Что это? Настрой мозга и души? Связь с иным разумом? Ты же много писал об этом...

- Когда-то в Ленинграде судили И. Бродского «за тунеядство», а конкретно за стихи. Хотя на поэта нигде не учился, он пытался объяснить, что поэтический дар вообще от Бога... И поэта направили на судебно-психиатрическую экспертизу. Упаси боже, пусть никто не подумает, что я себя приравниваю к И. Бродскому. Вовсе нет, мне стихи Нобелевского лауреата не нравятся. Я вспомнил о нем, потому что и он на поэта не учился и сказал, что этот дар от Бога.

И в заключение: от Бога - не только поэтический дар, не только дар композитора или художника, врача или ученого, преподавателя или политика... На нашей планете абсолютно все от Бога!

Беседовал НОДАР ПОРАКИШВИЛИ

Лицензия, рег. № 532 № Б-082419 Действ. с 07.05.04 по 14.11.06

www.glavspirttrest.ru

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

«НАША АННА ПАВЛОВА»

В. Чабукиани с любимой партнершей В. Цигнадзе

«Балерина будет?» - переспросил меня до начала спектакля директор театра Николай Свентицкий.

Заблаговременно он знал, что звезда эпохи Вахтанга Чабукиани стала членом «Русского клуба».

И как только она появилась в вестибюле, он пошел ей навстречу.

«Веру Цигнадзе любят и в Санкт-Петербурге. Балет Михайловского вспоминает вас»

Вера улыбалась...

Увы! Нынешнее поколение знает ее только по сохранившимся кинокадрам.

Зато зрители постарше, кто видел прославленную балерину в зените творчества, называют ее «наша Анна Павлова».

Как-то я шла по проспекту Руставели с ее огромным снимком в роли Жизели.

Снимок я несла так, чтобы не привлекать внимание. И все равно к нему тянулись.

Около Кашветской церкви меня обступили несколько женщин.

«Это Вера Цигнадзе!» - выкликнул кто-то.

«Вы помните?» - «Да кто не помнит, если видел ее на сцене. Это же был праздник», - откликнулась другая.

Да! Ее Жизель была парящая мечта. Доверчивое, открытое сердце в мире человеческих страстей, разбившееся о жестокость и обман.

«Тогда ведь не было видеозаписей. И потом я вообще не видела этого спектакля. Я искала образ Жизели в своих мечтах. И выстрадала ее сердцем», - делилась со мной Вера.

Однажды после спектакля мне захотелось сказать ее ученице Майе Зурашвили о некотором сходстве со своей наставницей, Майя удержала меня от похвалы:

«Нет, нет! - ответила Майя. - Она недосягаема. В нашем сознании она как живая легенда».

Сегодня звезда балета живет предельно скромно. Опекает своих племянниц и не только их.

Она на редкость добра и щедра по натуре. В ее доме много книг, фотографий. Любимое занятие - кормление птиц.

На туалетном столике - портрет Майи Плисецкой с надписью: «Моему дорогому другу».

Когда приехала Плисецкая, я поинтересовалась, как оценивает она творчество своей коллеги.

«Если взять только один балет «Отелло», - сказала Плисецкая, ее Дездемона - это одухотворенная поэзия».

«Мне эта роль, - вспоминает Вера, - долго не давалась. Образ был найден неожиданно в костюмерной. И подвел меня к нему Солико Вирсаладзе. Он был настоящим кудесником - декоратором. Он подошел ко мне, откинул мне назад волосы, и тут принесли из костюмерной платье - ослепительно белое с малиновым шарфом. И все вдруг неожиданно встало на свое место». После заключитель-

ного просмотра в гримерную балерины вошел Акакий Хорава, это уже мне рассказывали очевидцы. Он долго смотрел на нее, затем произнес своим могучим голосом: «О! Хотел бы я, чтоб у меня была такая Дездемона».

Помню, на мою просьбу поделиться своими воспоминаниями о Вере Цигнадзе с готовностью откликнулся наш знаменитый маэстро Одиссей Димитриади.

«Я пришел в Тбилисский оперный театр в 1937 году. Сам Евгений Микеладзе представил меня оркестру. В 1941 году к нам приехал Вахтанг Чабукиани. Он предполагал поработать в театре до окончания войны, но остался навсегда. Он долго искал себе партнершу. И нашел ее в Баку, очаровательную Верочку, да еще грузинку. Вахтанг Михайлович сделал ее выдающейся балериной. Сколько раз, стоя за пультом, я любовался ее чарующей грацией, умением чувствовать музыкальные нюансы. А какая тонкость душевных движений в танце!»

«Отелло»! Невозможно забыть этот грандиозный спектакль. И то, как дирижировал Одиссей Димитриади. И то, как танцевали Вахтанг Чабукиани, Вера Цигнадзе, Зураб Кикалейшвили и вся балетная труппа. Мне, автору этих строк, тогда студентке, посчастливилось быть свидетелем ошеломляющего успеха в дни Декады грузинской литературы и искусства в Москве. В зале была вся театральная элита – А. Хачатурян, Г. Уланова, М. Плисецкая, Ю. Завадский, В. Рындин...

«После Москвы, - вспоминал Одиссей Димитриади, последовали гастроли в Южной Америке. В первом отделении были отрывки из «Отелло», а во втором – большая концертная программа. Знаменитое па-де-де из балета «Дон Кихот» буквально взорвало зал аплодисментами. Пресса назвала дуэт Чабукиани и Цигнадзе неотразимым. На обратном пути остановка была в Париже. Мы с Вероч-

В.Цигнадзе

кой впервые были в Париже. Нам так хотелось увидеть как можно больше. И нам повезло, таксист оказался русским эмигрантом. И даже спросил, нет ли у нас российских сигарет. И мы совершили незабываемое путешествие по ночному Парижу».

Говорят, воспоминания продлевают жизнь прошлому и делают его незабываемым. Прошлое всегда с нами. «О, да!» - помню, сказала мне в ответ на эти слова народная артистка СССР Нино Рамишвили. «С Верочкой мы особенно сблизились во время гастролей в Италии. Она тогда работала педагогом-репетитором в театре «Ла Скала».

Это был интересный период ее жизни. Встречи с Рудольфом Нуриевым, его новаторские постановки, новые знакомства, контакты. Она ведь наделена особым даром общения с людьми. Ее нельзя не любить. Нас с ней связывает еще и Мстислав Ростропович. Мы все трое из Баку».

Из дневниковых записей балерины:

«...Я родилась в Баку. Помню себя очень рано. Игрушки особенно не любила, больше книги. Рано научилась читать. Когда меня спрашивают: у тебя, наверное, на голове был большой бант? – отвечаю: нет, у меня была челка. Росла я смелой, отчаянной. Со сверстниками не раз поднималась на Девичью башню. Дух захватывало. Танцевать любила. Была очень хрупкая, тоненькая. Когда решили отдать меня в балетную школу, мама возражала, отец напротив. Он родом из Кутаиси. Его называли «князь». Он был очень артистичным. Чудесно пел и играл на гитаре».

Почти каждая встреча с Верой – это и дань памяти Вахтангу Чабукиани.

«...В годы войны он приезжал в Баку на гастроли с Мариной Семенов. Я была потрясена. Тогда я еще училась в хореографическом училище. Могла ли я думать, что пройдет несколько лет и я стану его партнершей. Когда я вступила в труппу театра имени М. Ахундова, Вахтанг Михайлович узнал обо мне от других солистов. Как-то в театре

после спектакля мне передали телеграмму за подписью Вахтанга Чабукиани:

«Предлагаю гастрольные спектакли: «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан». Я едва не лишилась чувств от неожиданности, однако от гастролей пришлось отказаться, в тот период у меня было только одна ведущая роль – Раймонда.

Но Вахтанг Михайлович пригласил меня в Тбилиси для творческого знакомства. И я приехала».

Эту памятную встречу помнит в деталях близкая подруга Веры заслуженная артистка Грузии Виви Метревели: «...Мы ждали ее. Все хотели ее увидеть. Она вошла в зал хрупкая, изящная, приятной внешности. На ней был бледно-розовый хитон и балетные тапочки. Мне трудно было отвести от нее взгляд. Какой поэзией веяло от каждого

«Лауренсия»

ее движения! Порой создавалось впечатление, что она не упражняется, а наслаждается движениями. А когда начались прыжки, мы замерли. Она зависала в воздухе! Вахтанг Михайлович улыбался. Чувствовалось, что он нашел то, что искал.

Дебютом Веры Цигнадзе в Тбилиси стал балет «Дон Кихот». Спектакль был подготовлен за месяц. Генеральная репетиция прошла как премьеры.

Ее партнером был тогда Зураб Кикалейшвили. У Вахтанга Михайловича болела нога. Он сидел в зале и наслаждался их танцем.

Зрительный зал заполняли наши оперные звезды: Давид Андгуладзе, Надежда Харадзе, Петре Амиранашвили, Давид Гамрекели... Аплодировали каждому выходу Веры, каждой вариации. Ее танец был искрящим, прозрачным, полон внутренней экспрессией». На минуту Виви закрыла глаза, добавив: «Это было сама весна, пробуждение жизни».

Балет «Лауренсия» стал этапным для нее спектаклем. Сохранились кинокадры финальной сцены, отснятые для фильма «Мастера грузинского балета».

«Снимали в лесу, близ Рустави, - вспоминает балерина. Четыре утра. Еще темно. В этой необычной обстановке приходилось отойти от всего, настроить себя, войти в состояние творческой готовности. Для меня это было настоящим испытанием».

Кадры потрясают и сегодня. Здесь ее классический танец вырывается на простор. Порой ее хрупкий силуэт напоминает утес, о который разбиваются зловещие волны житейского моря. Перед зрителем предстает не только живая героиня трагедии, но как бы слышен голос самого Лопе де Вега, призывающего к мщению за поруганную честь.

... Она умела любить на сцене.

В одном из поздравительных писем народный артист СССР Владимир Васильев писал:

«Я всегда буду помнить наше совместное выступление в балете «Лауренсия» и свое признание перед началом спектакля: «Вера Варламовна, забудьте на сегодняшний вечер Вахтанга Михайловича и влюбитесь в меня».

Знаменитый тенор Иван Козловский на закате своей артистической карьеры вспоминал о гастролях в Тбилиси: «Незабываемой была «Вальпургиева ночь». Эротическое наваждение, куда приводит меня Мефистофель, чтоб предаться забвению.

Взгляд невольно притягивает чарующая вакханка. Это была Верочка Цигнадзе. Она не была антиподом Маргариты. Она была прелестна своей грацией и загадочной красотой. И потому можно было на миг забыть Маргариту».

Несколько лет я переписывалась с выдающимися мастерами балета Натальей Дудинской, Татьяной Вечесло-

вой, Аллой Шелест. Когда спрашивала о Vere, все сходилось в одном: ей удавалось соединить в своем творчестве тончайший лиризм и патетику.

Незабываема Вера Цигнадзе в партии Иремы в балете «Горда», где отчаяние материнского горя поднимается до подлинных высот античной трагедии.

Она танцевала ведущие партии в балетах «Синатле», «Сердце гор», «Лебединое озеро», «Баядерка», «Демон», «Красный мак», «Золушка»...

С триумфом проходили гастроли за рубежом.

И всегда рядом был легендарный танцовщик, балетмейстер и наставник Вахтанг Чабукиани. Вместе они владели, как писал Новерр, «живописанием чувств». Умели затронуть лучшие струны души и сердца, держать зал в магическом напряжении. И благодарный зритель одарял их признанием, любовью, лавиной восторженных оваций за их подлинно танцевальные жемчужины.

Но слава и популярность не изменили ее душевную отзывчивость. Она всегда была чутка к чужим бедам. Она стала спасением и для меня, когда горе вошло в мой дом.

Мою диссертацию, посвященную ее творчеству, преврала смерть мужа, заслуженного артиста республики Юрия Суханова. Когда погиб мой единственный сын Юра, она была рядом, помогая жить дальше. «Придешь?» И я не могла огорчить ее отказом. Шла к балерине, о которой знаменитый балетмейстер Юрий Григорович сказал: «Вера была выдающейся балетной актрисой и украшением любой балетной сцены мира».

Признание ее ученицы Эки Безиргани:

«Для меня она уникальный педагог. И потом я люблю ее как человека».

Как человека... Самое высокое признание в любви.

Когда Вахтанг Чабукиани лишили работы (трудно поверить, но это было), и это после всего того, что он сделал для национальной культуры, она не позволяла ему садиться за руль. Сама возила его, пока он не вышел из стрессового состояния.

Это она осмелилась в то время сказать: «История не простит нам этого».

О народной артистке Грузии, лауреате Государственных премии Vere Цигнадзе написано много и в то же время мало.

Талантливый ученый, кандидат филологических наук Валериан Брегадзе, так и не докончил о ней книгу, остался лишь фрагмент незавершенного труда:

«Феномен танцевального мастерства Веры Цигнадзе еще до конца не распознан. Она многим обогатила хореографическое искусство, и одно из них – ее улыбка. Существует научная литература, посвященная улыбке Моны Лизы, Джоконды, великого мастера кисти Леонардо да Винчи; есть обширная критическая литература, расценивающая секрет улыбки Джульетты Мазины в финальном эпизоде фильма «Ночи Кабирии». Улыбка Веры Цигнадзе также заслуживает внимание. Это не победоносная улыбка примбалерины. Она идет из глубины человеческого чувства. То она индивидуально-конкретная, выражающая настроение героини, применительно к данному сюжетному эпизоду, но вместе с тем она всегда несет в себе обобщенный смысл. То откровенная, открытая. То иррациональная, скрытая, едва уловимая. И одновременно одухотворена поэтичностью и эстетической выразительностью».

Ни у одного, даже самого выдающегося балетного артиста я никогда не замечал, чтобы улыбка вносила в

Журналу «Русский клуб»
с любовью написанная
посвящением
Вера Цигнадзе

сценический образ столько оттенков чувств, выявляла бы такую бесчисленную гамму переживаний, тончайших нюансов движений души. И возносила бы зрителя к необозримым высотам философского мироощущения».

... Никто не знал, что это был ее последний спектакль. Об этом не было объявлено. Не было чествований, ответственных слов, торжественных рукопожатий.

Вера Цигнадзе вдохнула весь трепет своего сердца в это последнее свидание, выразила весь драматизм прощания актрисы со сценой.

Но с балетом не простилась...

Еще недавно она была педагогом-репетитором ведущих балерин Национального театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

Четко планировала свой рабочий день. Спешила на репетицию, вечером на спектакль.

Она вновь испытывала трепет и волнение, которыми жила на сцене. Только теперь они сопутствовали тем, с кем она готовила балетные партии, в кого вкладывала частичку своего сердца.

Мне довелось присутствовать на ее очередных занятиях.

...Мастер показывает движение: легкие штрихи своего

знаменитого арабеска. Переплетение чувств с красотой линий – и исчезает возраст.

В репетиционном зале блистательная Вера Цигнадзе.

Так почему сегодня ее опыт, знания, авторитет не востребованы?

Этот вопрос задают многие. Ведь творческий потенциал истинных художников не имеет предела.

Разве не пример тому педагогический подвиг великой Марины Семеновой...

Мы порой расточительны и не замечаем того ценного, что имеем в нашей национальной культуре. Не приходится даже говорить о том, как много значит имя Веры Цигнадзе, глубоко ценимое всеми, кто предан искусству...

...За кулисами Вера поздравляла грибоводовцев. Торжественная атмосфера театральной премьеры напомнила многое. И она радостно и грустно улыбалась.

Кто-то передал ей цветы.

«Ландыши – слезы Богородицы, так гласит легенда», – произнесла она шепотом.

«Ты веришь в Бога?» – «Да... И молюсь за многих».

НЕЛЛИ УЗНАДЗЕ

«ЧТО ЗНАЕШЬ В ДЕТСТВЕ ...»

Единое культурное пространство всегда было отличительной особенностью Тбилиси. Имена русских, грузинских и армянских артистов звучали на равных. Одинаково любили и тех и других. Истинные пропорции жизни диктовали согласие и достоинство.

В пеструю, многокрасочную и богатую впечатлениями театральную жизнь Тбилиси русский ТЮЗ был вписан естественно и органично.

Он был создан в 1927 году по инициативе Н.Я.Маршак, главного режиссера ТЮЗа вплоть до 1960 года, и знаменитого впоследствии директора Центрального Детского театра в Москве - К.Я. Шах-Азизова, который в ранних спектаклях ТЮЗа выступал как актер.

Многие известные деятели отечественной культуры начинали свой творческий путь именно с тбилисского ТЮЗа.

Георгий Александрович Товстоногов работал в русском ТЮЗе до 1940-го года, где им поставлено большое количество спектаклей. Но еще раньше, мальчиком, он сыграл Балду в пушкинской сказке.

Школьником Анатолий Гребнев стал главным редактором многотиражки «Дети Октября», газеты, созданной в 30-е годы по инициативе русского ТЮЗа.

С 1940-го по 1949-й годы на этой сцене играл Евгений Лебедев: за девять лет им сыграно свыше 70-ти ролей ...

Юный Булат Окуджава рабочим сцены в русском ТЮЗе начинал свою трудовую деятельность.

После выхода на экраны фильма «Чистое небо» зрителям с гордостью показывали место, которое по абонементу когда-то принадлежало мальчику Леве Кулиджанову, бывшему «активисту школьников при ТЮЗе» ...

Говорили, что и Марлен Хуциев был частым посетителем тюзовских спектаклей ...

Великолепные артисты составляли костяк театра. Слово «костяк» даже нельзя назвать точным в нашем случае, потому что каждый актер здесь был уникален и неповторим - Юдин, Романов, Бубутейшвили, Глобенко, Орел, Ефимов ...

Не говоря уже о таких пленительных и завораживающих, как Беленко, Урусов или Кирова.

Но, наверное, самое главное, - это общее понимание высокой миссии, которой был подчинен театр: служение Детству. Мечта о создании театра для детей зародилась у Маршак еще в период, когда он руководил детским домом. К счастью, он оказался еще и талантливым, можно смело сказать, выдающимся режиссером, настоящим художником.

Перед коллективом стояла задача приобщить детей к искусству, познакомить с произведениями русской и мировой драматургии, научить языку театра.

Несмотря на издержки того непростого времени, это не было формальностью. Отношение к детям было любовное и очень серьезное. Маршак был одним из инициаторов созда-

ния первой в Союзе детской железной дороги, она работала в знаменитом городском саду Муштаид. Юные зрители писали о своих впечатлениях от спектаклей в тюзовскую многотиражку «Дети Октября», позднее - «Вестник ТЮЗа». Работал «Актив школьников», в который стремились попасть, кажется, все школьники грузинской столицы. Педагогическая часть занималась с детьми читкой пьес и разбор спектаклей. В репертуаре стояли «Ромео и Джульетта», «Коварство и любовь», «Разбойники», «Бедность не порок», «Поздняя любовь», «Сказки Пушкина», «Василиса Прекрасная», «Овод», «Дубровский» ...

Л.Гарон, Н.Чонишвили и В.Зайцева

На память приходят замечательные слова Марины Цветаевой: «Что знаешь в детстве - знаешь на всю жизнь, но: и чего не знаешь в детстве - не знаешь на всю жизнь».

Когда заканчивался спектакль, и в последний раз задвигался золотисто-солнечный занавес, на сцену выходил директор ТЮЗа. Он, как дирижер, взмахивал рукой, из оркестровой ямы раздавался бодрый марш, и, начиная с первого ряда, цепочкой - один за другим - юные зрители покидали зал. Это торжественное «шествие» детей под музыку через весь зал позволяло избежать толкучки и суматохи в раздевалке («Театр начинается с вешалки!») и придавало самому посещению театра вкус значительности и особой праздничности.

Вот в какой театр пришел молодой Н.Д. Чонишвили после демобилизации.

Если просмотреть старые тюзовские программки, становится ясно, что до 1955 года Чонишвили играл в основном крошечные эпизоды и даже просто был «на выходах» – офицер, кучер, сержант, жандарм, купчик. Правда, и Елеся в «Не было ни гроша», и Жан в «Коте в сапогах» ...

А в сезон 1955 – 56 гг. как прорвало!

Пришло новое время. Происходит смена стиля и героя. Торжественно-приподнятый, романтический тон начинает казаться излишне пафосным, фальшивым и уступает место более естественному, демократичному, натуральному, живому. Время Розова, «Современника», БДТ, Ефремова, Володина, Окуджавы...

Время Чонишвили.

Он играет Алексея («В добрый час!»), Мересьева, Пушкина, Комбле, Ричарда («Ученик дьявола»), Мигуэля Диаса («Всадник без головы»), Караколя («Легенда о двух горбунах»), Сильвера («Остров сокровищ»), Леонида Борисовича («Машенька»), Каштанова («Я тебя найду»), Бориса («Страница жизни») ...

Оказались востребованными его характерность в сочетании с мягкостью и сердечностью исполнения, его темперамент и юмор, демократичность, осязаемая человеческая надежность и положительная энергетика.

В «Ученике дьявола» распределение ролей оказалось необычным. Кажется, впервые вместе с Урусовым на роль был назначен еще один артист. Никто не сомневался, что Чонишвили сыграет хорошо, но... куда ему до Урусова!

Получилось иначе. Свободный от наслоения прежних героических ролей, неожиданный в проявлениях, природно витальный, он «переиграл» Урусова и вышел в первый состав.

С этого времени при всей блистательности актерского состава русского ТЮЗа успех спектаклей во многом будет определять именно он, Ножери Чонишвили. И ходить уже станут «на него».

В 50-е годы девичья часть тюзовской публики была расколота на две большие группировки – поклонницы Урусова и поклонницы Иноземцева (как в Москве существовали, так называемые, «сыры» Лемешева и Козловского).

Они поджидали своих кумиров у театра, забрасывали их цветами, толпой сопровождали по улице. Иногда между ними происходили жестокие баталии. Тбилисские заборы и стены домов и подъездов были испещрены любовными признаниями, выведенными мелом крупными буквами.

Чонишвили, как всякий настоящий артист, оставался большим ребенком, наивным и простодушным. Он мечтал о том времени, когда и его имя тоже украсит эти стены и заборы.

И вот однажды, вскоре после премьеры «Ученика дьявола», рядом с привычными фамилиями он увидел и свою. Не помня себя от счастья, с заколотившимся сердцем он подошел поближе, так как был близорук, и ... прочитал: «Урусов – душка! Иноземцев – душка! А Чонишвили – змия!» Именно так, через букву «и», еще не вполне грамотная юная почитательница талантов косвенно признала его победу и зафиксировала, что у кумиров появился соперник.

«Я-то! Я-то хорош! У меня, у дурака тщеславного, сердце от радости чуть из груди не выпрыгнуло!» – покатывался от хохота Чоник, рассказывая эту историю.

«Тоска». Н. Чонишвили и А. Юдин

Через какое-то время уехал из Тбилиси Иноземцев, а вслед за ним – и Урусов. Но не потому, что их «вытеснил» Чонишвили: замечательные, яркие артисты, они отправились на поиски большой творческой судьбы во взрослых театрах. Следы их затерялись где-то на бескрайних просторах России.

А Чонишвили в возобновленном в 1959 году спектакле «Испанцы» по романтической юношеской трагедии М.Ю.Лермонтова сыграл вместо Урусова роль Фернандо, с той же партнершей - О.Беленко.

Честно говоря, играть эту роль после Урусова было равносильно актерскому самоубийству. Настоящий трагик и герой-любовник по амплу (таких сейчас уже давно нет), необыкновенно красивый, с выразительным голосом, сильно чувствующий и умеющий передать эти чувства на сцене, обладающий почти гипнотическим влиянием на зал, Урусов имел просто сумасшедший успех. Во «взрослом» - Грибоедовском театре – такого артиста не было. И, скажем, пьесу «Коварство и любовь», шедшую в обоих русских театрах, искушенная тбилисская публика предпочитала смотреть в постановке Н.Я.Маршака с Урусовым и Беленко в главных ролях.

Чонишвили не стал повторять рисунок Урусова. Он играл не классического романтического бунтаря, ради чести готового на кровавый подвиг. Его герой был проще, теплее, задушевнее, лиричнее. Он спустил его с котурнов на землю. Приподнятость речи и некоторая декламационность уступили место человеческим, порой растерянными интонациям. Глаза выражали не столько определенную решимость, сколько смятение чувств. На лоб спадала прядка

волос. Мы становились свидетелями превращения юноши в мстителя, рождения героя, готового на поступок.

И еще одну роль предстояло сыграть Чонишвили, соперничая с другим артистом, на сей раз – с Евгением Лебедевым. Роль Бабы-Яги.

«Я тебя найду». Н.Чонишвили и Ю.Суханов

Спектакль «Василиса Прекрасная» считался «золотым фондом» театра. Между тем, эта сказка была поставлена разными режиссерами как минимум два раза: в 1941 году – Г.Гинзбургом и в сезон 1958-59 гг. – М.Вахнянским.

Бабу-Ягу Лебедева мне посчастливилось видеть несколько раз, правда, уже в поздние годы и только в концертном исполнении. На наших глазах Лебедев вдруг превращался в томную и кокетничающую старуху, которая время от времени вскидывала острые глазки, чтобы проверить, какое впечатление она произвела. Лебедев демонстрировал чудеса актерской техники и полного владения своим телом, лицом, каждой его мышцей: одна сторона дергалась, другая была спокойна; правый глаз плакал, левый смотрел весело; смена выражений происходила в секунды.

Казалось, такого не бывает, просто невозможно! И все-таки... и все-таки это был «закрепленный» эстрадный номер.

Чонишвилевская Баба-Яга существовала внутри спектакля. Тем удивительнее, что главным в исполнении был момент импровизации, непредсказуемости, актерского куража. С гиканьем она слетала сверху на метле по проволоке. И... начиналось! Подпрыгивая и взмахивая юбками, Баба-Яга кружила вокруг огромного кипящего котла, закидывая туда какие-то корни и ветки и что-то всыпая; сладострастно вдыхала запахи, ошпаривалась, визжала; потом оказывалось, что это была шутка, и она так... немного поугала. И наконец, главный момент – бегая вокруг котла, Баба-Яга вдруг быстро выкрикивала: «Вах-вах-вах-вах-вах!» и потом страшным громким шепотом, почти шипя, произносила медленно и раздельно: «Че-чет». «Вах» - было прозвище режиссера спектакля Вахнянского, «Чечет» - давнее прозвище Н.Я.Маршака.

На следующем спектакле все могло сложиться иначе и в другой последовательности. За кулисами и у окошечка на втором этаже толпой стояли артисты и другие работники театра, чтобы не пропустить эту сцену.

Чонишвили играл еще одного сказочного злодея. Его Бармалей («О чем рассказали волшебники») тоже не был

страшным или по-настоящему злым. Казалось, это просто смешной человек, который, став взрослым, не повзрослел и все продолжает играть в разбойников, размахивая кривым кинжалом и для устрашения вращая глазами.

Стремительный, открытый, смешливый Ножери Давидович всегда был душой компании. Людям рядом с ним становилось легко и свободно, они раскрепощались, дурачились, шутили.

Ах, как он умел смеяться! Правда, глаза его почти всегда оставались грустными.

Однажды я обратила внимание, что резкостью черт, большеротой улыбкой и выражением глаз он схож с джокером на моих детских игральные карты. Он хохотал до слез, когда я сообщила ему об этом, и впоследствии открытки и письма ко мне подписывал: «Твой Джокер», или сокращенно – «Джок».

Летом в высокогорном курортном местечке Манглиси забавам и розыгрышам не было конца, а по двору дачи, которую снимала Ч.А.Кирова, носился огромный огненно-красный с зеленым отливом петух. Звали петуха «Чонишвилло».

Ольга Яковлевна Беленко. Первая актриса театра, обладающая поразительной многогранностью сценического дарования. Мало, кто умел так «ломать комедию» и так возвышаться до трагических высот. Она была вне ампулы. Она могла все: Джульетта, Амалия, Луиза, Эпонин, Гаяне, тетушка Мелюзина, молодая вдова Лебедкина, пожилая вдова Кукушкина, чеховская вдовушка Попова, Кручинина...

Ее звал к себе в Ленинград Георгий Александрович Товстоногов. Лебедев поехал, а она отказалась. Невероятно скромная в жизни, скорее всего, испугалась.

Не сказать, чтоб красавица – сильно вздернутый носик, круглое лицо. Правда, ямочки на щеках. Правда, не глаза – глазищи. Веселая. Умная. Хорошая хозяйка: в крошечной комнатке театрального общежития – всегда уютно и прибрано; вкусно готовила; в трудные годы «обязывала» весь театр. Очень много читала. Обаятельная бесконечно. И лишенная каких бы то ни было черт премьерства, часто присущих актрисам ее уровня и ее положения. Сейчас ее назвали бы Звездой. В русском ТЮЗе она первая получила звание народной артистки Грузинской ССР.

Ольга Беленко – отдельная глава в истории этого театра и в биографии Н.Д.Чонишвили.

Она была намного старше его. Но в течение семи с лишним лет они составляли пару, которой восхищались, удивлялись и, должно быть, завидовали. Конечно, она во многом помогла его становлению – и как личности, и как артиста.

Они были прекрасными партнерами во многих спектаклях: «Ее друзья», «Кот в сапогах», «Страница жизни», «Ученик дьявола», «Настоящий человек», «Машенька», «В добрый час!». . .

Она – Ия, он – Цискара; она Лариса, он – Елеса; она – Эмилия, он – Фернандо; она – Оленька Калашникова, он – Пушкин...

Сосредоточен и эмоционален. Легок и быстр в движениях. Счастливый от любви и одновременно испытывающий томление духа, вдруг прорвавшееся в резком, коротком, как выдох, возгласе: «Тоска, няня! Тоска смертная!» Таков был Пушкин в исполнении Ножери Чонишвили. Артисту удалось передать, пожалуй, самое трудное, почти невозможное на сцене, – творческий процесс, момент

зарождения стихотворной строки, изящной и прочной пушкинской рифмы.

Так и осталась на всю жизнь эта странная память о том, что когда-то давно я видела живого Пушкина.

Рядом с ним в это время играли, в основном, уже артисты его поколения – искренние, романтические в духе тех лет, заразные и красивые Е.Агаларова, С.Евангелиди, Ю.Суханов, И.Балла.

Вместе со своим другом, режиссером Владимиром Вольгустом, он поставил Чеховский спектакль по сочиненному ими вдвоем сценарию, состоящему из коротких рассказов и пьесы «Свадьба».

Сейчас, спустя много лет, уже будучи театроведом, в кругу интересов которого Чехов занимает одно из первых мест, я могу вполне уверенно сказать, что тогда, в 1959 году, это был во многом новаторский спектакль. Особенности чеховской поэтики были явлены здесь со всей очевидностью: отсутствие указующего перста; безгеройность и безоценочность – как бы нейтральность отношения к событиям; необязательность реплик; неопределенность и воздушность интонаций. Перед зрителями предстал шаткий, абсурдный и глубоко печальный мир.

Сам Чонишвили играл две роли: в гриме, приближенном к облику А.П.Чехова, Лицо от автора – в «Тоске» и изобретательно и азартно Ять в «Свадьбе».

Не могу удержаться от воспоминаний и о моем участии в этом спектакле – да простит читатель мне мою слабость! Я играла в очередь с великолепной актрисой-трагедисткой Ч.А.Кировой роль Ваньки Жукова.

С мамой и Наночкой Ножери Давидович жил на улице Пиросмани 23, совсем рядом с железнодорожным вокзалом. Говорил, что слышит ночами громохание проходящих поездов, гудки паровозов, и ему представляется, что он едет куда-то далеко-далеко, в неведомые страны.

Думаю: как жаль, что он не сыграл Пиросмани!

Леонид Борисович смеялся. Его смех, смех абсолютно счастливого человека, буквально пронизывал весь спектакль «Машенька». Он, как стихия, врывается на сцену, казалось, с единственной целью – поделиться своим счастьем и устроить счастье всем и каждому. Любящий и любимый, бесконечно деятельный и добрый, он смеялся, смеялся ... От полноты чувств, от радости бытия, от доверия к жизни.

Положительный герой, пример для подражания, наш современник – таков был социальный заказ времени. И Чонишвили, как никто другой, соответствовал этим требованиям. Он совпал со временем. Он сам нес в себе эти черты – энергию созидателя, позицию гражданина, социальный оптимизм. Не мнимость, а человеческая подлинность, как магнит, притягивала зрителей к его героям: Богатырев («Страница жизни»), Алексей («В добрый час!»), Мерсьев («Настоящий человек»), Леонид («Продолжение легенды»), Каштанов («Я тебя найду»).

Была и обратная связь. Прикосновение к такой фигуре, как Александр Сергеевич Пушкин, не могло не отразиться на личности актера, на его внутреннем мире. Но даже и менее значительные роли влияли на Ножери Давидовича, с его готовностью к развитию и самоусовершенствованию. Задолго до героя Вячеслава Тихонова в фильме «Доживем до понедельника» он сыграл в спектакле ТЮЗа «Я тебя найду» директора школы Каштанова, которому безгранично доверяют ученики, потому что он – не равнодушный человек, а главное – справедливый. Именно после этой роли в Чонике еще более очевидными стали такие черты характе-

ра, как терпимость, желание подсказать, научить, помочь. Тогда же в его рассуждениях появилась и тема приземленности некоторых людей и умения других отрываться от обыденности. Как некий аванс, как надежду на меня в будущем, я воспринимаю надпись на его фотографии как раз в роли Каштанова, подаренной мне: «Вы умеете летать, и это прекрасно. И если иногда опускаетесь на землю, то не страйтесь этого – оттолкнувшись от нее, Вы взлетите еще выше. Желаю Вам этого от всей души». Сам-то он умел парить над землей, часто видел себя во сне летающим. И так до конца жизни.

Н.Я.Маршак возглавлял ТЮЗ до 1960 года, когда его отправили на пенсию. Успев создать актерскую студию, чтобы наполнить театр живительной молодой энергией, он уехал в Калининский ТЮЗ; затем организовал ТЮЗ в городе Тула; в Туле и умер зимой 1962 года.

После ухода Маршака началась чехарда с частой сменой главных режиссеров, среди которых встречались и талантливые и профессиональные люди. Но до прежнего уровня русский тбилисский ТЮЗ уже больше никогда не поднялся. Самый климат изменился в его стенах.

Необыкновенно чуткий к нравственной стороне театрального дела и по складу характера собиратель и строитель, Ножери Давидович прислал мне в декабре 1961 года

«Машенька». Е.Агаларова и Н.Чонишвили

отчаянное письмо. «В ужас приходишь, Ланушка, - писал он, - какой вред мы приносим своими спектаклями детям. Своей грязью в театре, своими плохими декорациями, своим торгашеским отношением к искусству, к детям, этим жителям будущего – коммунизма, о которых мы много говорим и призываем любить их, прививать им эстетические чувства. О какой, к чертовой матери, эстетике можно говорить, когда

мы сами не эстетичны, погрязли в халтуре, в торгашестве, в ремесле в самом плохом смысле этого слова... в сплетнях... в богеме... Что мы в этом случае можем привить им? Самое главное, нет даже попытки, желания сделать что-то лучше, красивее, прекраснее. Мы живем сегодняшним днем и только. Сведением концов с концами. Без перспективы. Без цели.

В маленькой, без окон, комнатке на галерке Чонишвили проводил все свое свободное время. Он создавал *Музей тбилисского Русского ТЮЗа*. Я часто забегала к нему между репетициями и перед вечерними занятиями в студии. Меня поражало, как сосредоточенно возился он с фотографиями, аккуратно подрезал их, сортировал газетные и журнальные материалы, что-то подклеивал и отчерчивал, даже что-то взвешивал на крошечных аптечных весах.

В нем замечательно соединялись актерская стихийность, внутренняя переменчивость и подвижность с любовью к архивной работе, к упорядоченности и систематизации всего и вся. Скрыто в нем жил кабинетный работник. Кстати, в последние годы обликом он все более напоминал ученого. Можно сказать даже более определенно: ученого-физика, атомщика. Думаю, не случайно он играл Гамлета в очках. Очки на его Гамлете – знак интеллектуальности героя.

В ТЮЗе я стала работать, еще учась в школе. Н.Я. Маршак позвал меня играть маленьких девочек и мальчиков, а

«Александр Пушкин». Н. Чонишвили

также разных зверушек, птичек, лягушек, кого и что придется ...

Вскоре у меня умер отец. И тут в полной мере я ощутила, что значит актерское братство, когда тебя окружают теплые, дружелюбно настроенные люди, старшие товарищи. О.Я. Беленко не один раз навещала нас с мамой. А Ножери Давидович, казалось, просто взвалил на свои плечи ответственность за меня. Помню, на гастролях он следил, чтобы я не пропускала завтраки и обед; обнаружив, что не умею распределять деньги, стал сам выдавать мне суточные: к концу гастролей у меня скопились сбережения, и он вместе со мной выбирал подарок для моей мамы - сахарница и две чашечки из того сервиза живы и по сей день.

А сколько бесед о необходимости высшего театрального образования провел он со мной!

Примерно недели за две до моего отбытия в Москву он съездил в аэропорт и вернулся очень довольный. Используя свое актерское имя и обаяние, он сумел убедить там какого-то начальника, что меня следует отправить из Тбилиси бесплатно.

Я «зайцем» впервые летела в Москву, сидя на каком-то яшике в кабине пилотов.

Сдавая экзамены в ГИТИС, я все время чувствовала его поддержку. Когда в очередной раз меня охватили страх и неверие в свои силы, он написал мне: «... Я очень хочу, чтобы Лана в институт поступила и нашла, наконец, себя или была на пути к этому. И Вы не можете подвести меня.

(...) Ну, милая, голубушка, постарайтесь. Я с Вами там! Рядом, когда Вы готовитесь дома, когда идете на экзамен, и когда Вы отвечаете на вопросы. И Вы должны это чувствовать, слышите! И Вы не имеете права сдаваться и думать об отступлении».

Прочитав свое имя в списках поступивших в ГИТИС, я отправила три телеграммы - самым любимым и близким людям - маме, Ольге Яковлевне Беленко и Ножери Давидовичу Чонишвили - с одним словом: «Студентка». В ответ получила поздравления, а Чоник еще и пригласил до начала занятий в Ленинград, где он собирался провести часть отпуска. Это был поистине королевский жест!

С сердечной щедростью, так ему свойственной, он «дарил» мне свой любимый город: Невский проспект, и Летний сад, и домик Петра, и «Аврору» на причале... Конечно, Русский музей... Конечно, Эрмитаж... Мы объездили все пригороды. Побывали в Царском селе, в Петергофе. Погода стояла великолепная, ясная, солнечная. Туда ехали обычно на электричке, обратно - иногда на катере, чтобы любоваться красотами. Чоник старался передать мне все, что знал сам. Но о каких-то подробностях он, вместе со мной, слышал от экскурсоводов впервые, уточнял, переспрашивал.

Часто к нам присоединялся счастливый и гордый Сенька Кац. Ему было, чем гордиться, - он поступил в ЛГИТМИК на режиссерское отделение к самому Товстоногову!

Чоника и Сеню объединяли особые отношения. Сеня считался его учеником: на выпускных экзаменах актерской студии в отрывке из «Егора Булычова», который готовил со студийцами Ножери Давидович, он блестяще - с чувством жанра и стилистики Горького - сыграл Трубача.

Уже шатаясь от усталости, мы бродили по вечернему Ленинграду, а неугомонный рыжий Сенька Кац вдруг оставался и, шмыгая носом - у него всегда был насморк, - патетически восклицал: « Ленинград - удивительно благородный город!» Чоник подмигивал мне и, пнув пустую бутылку на тротуаре, с юмором отвечал Сеньке в том же патетическом тоне: «Ленинград, друзья мои, очень благородный город!»

С тех пор прошло много лет, но всякий раз, приезжая сюда, я ощущаю аромат того времени, наших путешествий и открытий, я словно все еще слышу те наши голоса и интонации. И Ленинград (теперь уже Петербург) навсегда «связался» в моей памяти с именем Чонишвили.

Закончить эти воспоминания мне хочется его собственными словами, чтобы он *сам* что-то рассказал о себе.

Несмотря на всю свою открытость, Ножери Давидович был застенчивым и достаточно «внутренним» человеком: он не любил распространяться о себе и своих чувствах; не

любил словами объяснять, как работает на сцене – предпочитал показывать; не любил давать интервью и зачастую ограничивался односложными ответами и даже междометиями. Поэтому иногда складывалось впечатление, что он плохо владеет словом, или даже – косноязычен.

Два фрагмента из его писем, уверена, разрушат это заблуждение.

В первом – с большой эмоциональной силой переданы его нежная любовь к коллеге по сцене и потрясение утратой.

Во втором – описание поездки «к Пушкину» по ясности слога, по точности и простоте изложения напоминает, на мой взгляд, произведения русской классической прозы.

17.07.1961г.

«Ланушка! Нас постигло большое горе. 16-го июля совершенно неожиданно для всех ушел от нас наш Леонид Сергеевич (артист ПЮЗа Романов – Л.Г.). Это непостижимо. Я до сих пор, хотя прошли уже сутки, не могу себе представить, не могу поверить всему, что случилось. Я не могу поверить, что этот большой, славный дядя мог уйти совсем, навсегда и 20-го мы отнесем его и зароем... Тяжело, очень, очень. В театре траур. Все ходит подавленные, и все валится из рук.

(...) У меня все время такое чувство, как будто я потерял очень, очень дорогого человека.

А собственно говоря, ведь так оно и есть, потому что мы все стали братьями и сестрами. Среди нас есть и хорошие и плохие, всякие, как в каждой семье большой.

Простите, что пишу на таком клочке. Симу у себя в музее, бумаги под рукой не оказалось, а очень захотелось написать хоть несколько слов Вам. Вы поймете это и простите.

Очень и очень больно, девочка. Даже предположить трудно, как больно».

01.09.1961 г.

«Ланушка, здравствуй, хорошая!

Вот и все. Кончился отпуск, и начинаются будни, праздники, работа, радости, тоска и все прочее.

В Пскове я был до 16-го августа. Успел съездить в Пушкинский заповедник. Пробыл там целый день, исходил все пешком. Прошел около 30 километров и был счастлив. Небо надо мной сжалилось и отпустило мне солнца ровно на несколько часов, достаточных на этот поход. Интереснее всего было то, что когда я ехал в Пушкинские горы, лил проливной дождь, начиная от Пскова до самого Святогорского монастыря. Ехать надо было часа четыре.

Приехал. Выйти из автостанции не могу, т.к. дождь льет, как из ведра. Ну, думаю, пропал. Что делать? Я в одной сорочке. Святогорский монастырь рядом через дорогу, а пройти к нему нельзя. Впору ехать обратно.

Ну, думаю, хоть дойду до могилы Пушкина, поклонюсь ему и домой, в Псков. Пошел под дождем, промок до нитки. Осмотрел собор. Могила была на реставрации, и никого туда не пускали. Попросил инженера, чтобы разрешил подойти к ней. Сказал, что приехал из Тбилиси, что актер, играл А.С.

Сжалился он надо мной. Видит, стоит мокрая курица, ежится, дождь хлещет, волосы висят, жалобно просит. Пустил. Постоял немного около Пушкина и снова пошел в собор, в отделение, где Пушкина отпевали.

Когда вышел из монастыря, смотрю, небо проясняется, сквозь тучи выглядывает солнышко. Стою и думаю, как быть. Идти дальше в Михайловское или нет. Пошел. До Михайловского километров 9-ть. Дорога чудесная. Красота! Пока дошел, высох. Небо совсем чисто стало. Лана, Пушкинский заповедник – это сказка.

(...) Можно стоять часами и смотреть, смотреть, смотреть до бесконечности...

Видел все: дом Пушкина, домик няни, людскую. Парк. Посидел на скамейке в аллее Керн, где на сцене я писал ей: «Я помню чудное мгновенье...». Из Михайловского пошел

пешком в Тригорское. По той самой дороге, по которой шел Пушкин. Заходил на Савкину гору, в городище Воронич. Там могилы Осиповой, Вульфа, Ганибалла. В Тригорском ходил по парку. Все видел, все, все. Очень хорошо все сделано. Пушкина нет, а дух его там всюду. Куда ни глянешь: в доме, в парках, по дороге. Везде, везде, где он только ступал, – маленькие стенды с его стихами. Все время чувствуется, что над тобой витает дух его, все время чувствуешь его рядом.

Но есть места, которые рассказывают о том, как проклятые фашисты уничтожали память о нем. Не жалели даже деревьев, его современников. И когда смотришь на это, становится тяжело, и возникает такое чувство, как бывает, когда тыходишь в свою комнату, в которой побывал вор. Когда даже дорогие для тебя вещи становятся тебе неприятными, ибо их лапали грязные руки мерзавца.

Словом, исходил все и возвратился в Пушкинские горы уже с другой стороны. И как только вошел в городок, снова полил дождь. И лил уже без остановки до конца, пока я не уехал из Пскова.

Не веришь в счастье, так волей-неволей поверишь теперь».

Москва

Июль 2006г.

ЛАНА ГАРОН

ПЕРВЫЙ СПОРТИВНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ СКАЗКИ

С 15 по 23 июля в Москве проходил I Спортивный юношеский фестиваль российских соотечественников зарубежья. Он объединил под своей эгидой юных мастеров настольного тенниса, футболистов, волейболистов, легкоатлетов, шахматистов, шашкистов из 28 стран СНГ и дальнего зарубежья. Фестиваль этот вылился в праздник спорта, дружбы и мира, что тем более отрадно на фоне сегодняшних малоприятных и запутанных межгосударственных отношений не только на пространстве бывшего СССР, но и на планете в целом.

К слову сказать, посланцы Грузии были признаны самой дисциплинированной и в то же время самой поющей, танцующей и наиболее темпераментно бо-

леющей командой. В общем зачете наши спортсмены финишировали девятыми. Главное – спорт и культура (а для участников и гостей фестиваля была подготовлена богатейшая культурная программа) вновь доказали, что являются лучшими посланцами мира. Ведь подавляющее большинство наших юных спортсменов впервые оказались в России. Их впечатления от русского гостеприимства, для многих первое непосредственное знакомство с русским народным творчеством, русской архитектурой, искусством, мгновенно сняли налет предвзятости, столь усердно насаждаемый политиками. Сказанное в полной мере относится и к москвичам.

А сколько новых друзей обрели наши ребята среди сверстников из других стран! А сколько новых дружеских контактов установилось на всем пространстве фестиваля?! Шутка ли сказать – на этот форум съехалось более 500 одних только участников.

Таким образом, организаторы – члены Международного совета российских соотечественников под почетным председательством мэра Москвы Юрия Лужкова смело могут рапортовать перед Историей: главная поставленная перед фестивалем задача – выполнена!

О том, как разворачивались события на спортивном фестивале, мы беседуем с руководителем грузинской делегации, самым молодым из 26 руководителей делегаций, председателем НПО «Союз русской молодежи Грузии» *Александром Беженцевым*.

- Фестиваль был организован на высочайшем уровне. Более всего меня изумила четкость работы оргкомитета. Все мы проживали в пятизвездочном отеле «Салют». Автобусы, развозившие участников соревнований, приходили минута в минуту, питание было «расписано по видам

сыйских соотечественников Вячеслава Дурнева, ему одному ведомыми путями оказывавшегося в нужном месте в нужное время, и активное, деловое участие в ходе соревновательного процесса председателя Комитета физической культуры и спорта Москвы Михаила Степанянца.

Граф П.Шереметев и Ю.Лужков

Спортивная делегация Грузии

спорта», в несколько смен – для футболистов, шахматистов и т. д.

Возникавшие мелкие проблемы без проволочек решались на месте. Помогали студенты-волонтеры, задействованные оргкомитетом, и заодно честно заработавшие себе на летний отдых. Нас просто потрясла мобильность ответственного секретаря Международного совета рос-

Древнегреческие философы говорили: «Жизнь – это не те дни, которые прошли, а те, которые запомнились».

Торжественное открытие и закрытие фестиваля относится именно к таким дням.

15 июля на Малой спортивной арене Лужников мэр Москвы Юрий Лужков выступил с приветственной речью. Вслед за этим состоялся великолепный гала-концерт с участием находящихся на пике популярности звезд – таких как «Блестящие», «БандЭрос» и т.д. Картину праздника украшали выступления хореографических ансамблей, исполнявших как народные, так и современные танцы, а чудеса, продемонстрированные сборной России по экстремальным видам спорта, изрядно добавили адреналину в крови зрителей.

- Расскажите, пожалуйста, о самих соревнованиях и культурной программе, предложенной организаторами.

- Культурная программа была спланирована с размахом. Каждый день устраивались дискотеки, и за тем, чтобы на них не проносилось пиво, не говоря уже о более крепких напитках, следили, как любил говаривать вождь мирового пролетариата, архибдительно. И

вообще для тинейджеров был объявлен сухой закон, к общему удовольствию.

Для участников были организованы экскурсии на теплоходе по Москва-реке. Незабываемое впечатление оставил осмотр Олимпийского комплекса «Лужники» с его новейшей инфраструктурой; посещение Музея славы советского и российского спорта. Навсегда останутся в памяти участников прогулка по величественным сооружениям Кремля, шедевры Оружейной палаты.

И, конечно же, автобусная экскурсия по Москве.

Что же касается зачетного листа спортивного фестиваля, тут безоговорочное первенство – за казахстанскими юниорами, завоевавшими 10 медалей, из них 5 золотых, и ставшими победителями в ряде легкоатлетических дисциплин, а также в волейбольном турнире среди девушек. На втором месте в неофициальном зачете с восемью медалями (из них 4 – золотые) – сборная Литвы, победительница соревнований по мини-футболу и волейболу (среди девушек), а также в секторе для прыжков в длину.

На третьем месте команда Узбекистана с семью медалями (3 золотые), победительница турнира по настольному теннису в ряде разрядов.

Результаты, показанные участниками, в том числе и из дальнего зарубежья (Норвегии, Голландии, США, Польши, Португалии, Словакии, Израиля, Франции, Великобритании, Болгарии), были высоко оценены специалистами. И этого следовало ожидать. Ведь к стартам допускали рейтинговых юниоров.

И, конечно же, нельзя не остановиться подробнее на выступлении нашей команды.

В активе грузинских юношей и девушек 3 медали – «золото» Мераба Кинидзе в беге на 800 м. и два «серебра» – Мариам Инашвили на стометровке и Лики Двалишвили в прыжках в длину.

Кстати, Лика – внучка нашей прославленной легкоатлетки, обладательницы двух бронзовых олимпийских медалей в беге на 200 м и в прыжках в длину, четырехкратной чемпионки СССР, мировой рекордсменки Надежды Двалишвили (Хныкиной). Так что традиции продолжают.

Могли бы, конечно, выступить и лучше, особенно в турнирах по мини-футболу, настольному теннису и шахматам, но не обошлось без неувязок. К примеру, в четвертьфинале мы проиграли будущим чемпионам – литовским футболистам. Нас предупредили – не привозить спортсменов 1987 года рождения, а на месте выяснилось, что это разрешается. Так мы оказались лицом к лицу с более возрастными соперниками, некоторые из которых уже играли в профессиональных молодежных клубах и даже в молодежной сборной. К тому же мы готовились играть по системе 6х6, а пришлось играть 5х5, причем на поле гораздо меньшего размера.

С похожими проблемами столкнулись мы и в турнире по настольному теннису, и в состязаниях по шахматам, куда, как было заявлено, привезли команду из двух человек, а против нас выставляли

На финише

Победа!

Костюмированный бал

Меткий удар

троих, что также было следствием измененного регламента. В результате мы автоматически недосчитались очков.

Но вот пятое место наших волейболистов можно считать успехом, с учетом того, что этот вид спорта у нас развит слабо. Проиграли мы только чемпионам и вице-чемпионам, и проиграли достойно, в упорной борьбе.

- Все соревнования проводились в ОК «Лужники»?

- Нет, шахматистам и шашкистам распахнул двери «Шахматный клуб им. Т.В. Петросяна», соревнования по настольному теннису проводились в СК «Чертаново», а по волейболу – в СК «Луч». А вот футболисты и легкоатлеты состязались в «Лужниках».

- Не думают ли организаторы сделать этот спортивный фестиваль традиционным?

- На закрытии нам объявили, что принято решение проводить юношеский фестиваль зарубежных соотечественников раз в три года.

Что же касается самого закрытия, то по красочности оно даже превзошло церемонию открытия. Торжества проводились в подмосковной усадьбе Кусково, родовом имении графов Шереметевых.

Собравшимся было показано костюмированное театрализованное действо с участием разных функционирующих в Москве «исторических клубов» - по векам – и уланы с пестрыми значками, и драгуны с конскими хвостами, и т. д. – «все побывали тут».

На полях усадьбы разыгрались народные забавы – перетягивание каната, качели, бои тряпичными мешками...

С концертной программой выступил популярный Влад Топалов из группы «Смэш», другие известные исполнители.

И завершил праздник красочный салют.

Всем участникам были вручены памятные призы – хрустальные сувениры с символикой фестиваля, майки, кепки, канцелярские принадлежности, а победителям мини-футбольного турнира – латышам – еще и мячи с автографом знаменитого Рината Дасаева, возглавляющего вратарскую школу его имени.

В свою очередь мы раздали нашим новым друзьям номера журнала «Русский клуб», которые имели по-настоящему большой успех, буквально переходя из рук в руки.

Конечно же, наша поездка не могла бы состояться без щедрой поддержки руководителя Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» Николая Свентицкого, который, следуя условиям фестиваля, обеспечил при содействии спонсора всех членов грузинской делегации национальными флагами, комплектами спортивной и парадной формы, рюкзаками.

Отдельное спасибо представителю «Росзарубежцентра» в Грузии Евгению Внукову за визовую поддержку и покрытие дорожных расходов, которых он добился через МИД России.

В заключение надо сказать, что наш фестиваль широко освещался десятками российских СМИ.

Беседовал ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

НАГРАЖДЕНИЕ

Автандил Варсимашвили

Николай Светицкий

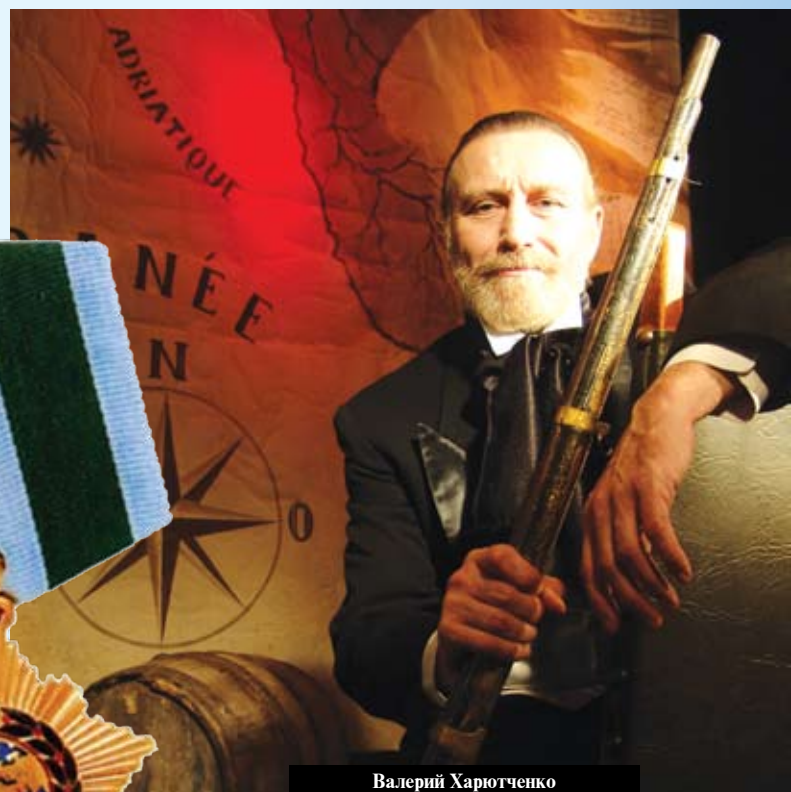
ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА

Президент России В. В. Путин своим Указом наградил орденом Дружбы за большой вклад в развитие и укрепление российско-грузинских культурных связей работников Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А. С. Грибоедова: художественного руководителя Автандила Варсимашвили, генерального директора Николая Светицкого, артистку Ирину Мегвинегухцеси, артиста Валерия Харютченко.

Ирина Мегвинегухцеси

Коллективы редакции журнала «Русский клуб» и Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова поздравляют их с высокой правительственной наградой и желают новых творческих успехов.

Валерий Харютченко

 ბანკი ქართვ
CARTU BANK

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge